

Н.Л. Пирогов

РАССКАЗЫ О МЕДВЕДЯХ
(И НЕ ТОЛЬКО О НИХ)

ЭКОНОМИКА
www.economizdat.ru

УДК 821.161.1-32Пирогов
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
П 33

Пирогов Н.Л.

П 33 Рассказы о медведях (и не только о них) / Н.Л. Пирогов. –
М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2007. –126 с.

ISBN 978-5-282-02712-9

Рассказы Н.Л. Пирогова – это невыдуманные истории из жизни первого советского поколения, не запуганного сталинским режимом.

Детство автора совпало с периодом Великой Отечественной войны; уже в молодые годы он становится одним из участников создания алмазодобывающей промышленности в Якутии. Этому времени – событиям, людям – и посвящена большая часть его рассказов. Другие рассказы – смешные, а иногда очень страшные, относятся к разряду тех жизненных наблюдений, которые помимо своей увлекательности составляют черты эпохи – уходящей уже от нас второй половины XX в.

УДК 821.161.1-32Пирогов
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-282-02712-9

© Пирогов Н.Л., 2007
© ЗАО «Издательство «Экономика»,
2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автора рассказов Николая Леонидовича Пирогова я знаю уже более 40 лет. Познакомился с ним в начале 60-х годов прошлого века, когда он был одним из руководителей только что развернувшейся новостройки на Айхале в Якутии. Для непросвещенного читателя добавлю, что Айхал – это Приполярье. Морозы в зимний период достигают – 65 градусов по Цельсию. Полная оторванность от промышленных центров и транспортных магистралей. До ближайшей железной дороги – 1500 километров, до речного порта на Лене – 700 с лишним, из них 500 – по необустроенному зимнику, действующему только с октября по апрель. А это значит – на стройке всегда чего-то не хватало. И вот в таких условиях он строил, и строил хорошо, убедился в этом я сам, так как, будучи журналистом, а перед этим строителем, бывал на айхальских новостройках и писал о них. Особо хочу отметить его принципиальность, целеустремленность и стремление к знаниям. Еще работая в Якутии, он окончил аспирантуру, стал кандидатом экономических наук, затем доктором наук и профессором.

И вот открылись новые грани этого человека. Рассказы, написанные им, действительно маленькие, но в них сразу видны литературные способности автора, его умение наблюдать, хранить в памяти характерные детали давно минувших событий и, главное, умение изложить все кратко, образно, хорошим языком. Мне понравились поучительные рассказы о медведях и сибирской природе. Не менее интересны оказались для меня воспоминания о встречах с разными людьми в самых различных

житейских ситуациях. Несколько подробнее остановлюсь на воспоминаниях Николая Леонидовича о том, как он сопровождал в 1967 году в Мирном знаменитого поэта Евгения Евтушенко. К описанным событиям я тоже имел некоторое отношение, и меня радует, что в оценках этого неординарного поэта мы сходимся. Правда, я более нетерпим к недостаткам Евтушенко как человека, которые проявились и в отношении к мирнинцам. Впрочем, может быть, Пирогов и не имел такой обширной информации я ведь работал в ту пору в редакции газеты «Мирнинский рабочий», куда стекалось много сведений о пребывании в городе знаменитостей.

Недавно Николай Леонидович сказал мне, что литературную работу продолжает. От всей души говорю ему: «В добрый путь! Новых творческих успехов! И пусть маленькие рассказы увидят свет большим тиражом! Это порадует читателей!»

Член Союза писателей России

П.П. Вечерин

2 марта 2007 года

ОТ АВТОРА

Я не профессиональный писатель, и эти небольшие рассказы сочинял в часы отдыха от основных занятий. Слово «сочинял» может быть в данном случае не очень подходит, поскольку все рассказы базируются на реальных событиях. Доля вымысла в них минимальная. Почти все, что написано в этой книжке, – это воспоминания об эпизодах прожитой жизни, о людях, с которыми жил и работал.

А вспомнить есть что. Мне довелось работать в различных сферах: на производстве, в науке, в плановых органах, заниматься партийной работой, предпринимательством, преподавательской деятельностью.

Значительную часть жизни (18 лет) проработал в Якутии, приехав туда по собственному желанию в 1959 году после окончания института.

Время работы в Якутии пришлось на период так называемого застоя. Надо сказать, что никакой остановки в развитии в республике в эти годы не ощущалось, более того, темпы роста ее экономики были очень высокими. Именно в этот период была создана алмазодобывающая промышленность.

Я горжусь, что вместе с тысячами своих сверстников принял участие в ее становлении и развитии. Мы были молодыми, работали на пределе своих сил, но получали удовлетворение от того, что наши личные устремления оптимально и органично переплетались с интересами нашей Родины.

Мы, наше поколение, умели не только работать, но и смеяться, в том числе и смеяться над собой. А это и есть чувство юмора, без которого нет творческой ауры, в наибольшей степени способствующей развитию личности, движению вперед.

В книге есть рассказы, содержание которых, я надеюсь, заинтересует читателей. Они волнуют и меня. Это темы о Великой отечественной войне, о необычных судьбах людей, о будущем нашей страны.

Жизненных впечатлений, интересных сюжетов хранится в памяти еще немало. Если увижу, что читателям понравилась эта небольшая книжка, я продолжу свои литературные опыты.

*Посвящаю внукам:
Юле, Саше, Ксюше*

РАССКАЗЫ О МЕДВЕДЯХ

Медведей я видел два раза: один раз в зоопарке, а второй – мертвого, застреленного на берегу реки Вилюй. Но жил довольно долго в медвежьем краю – Якутии и много раз бывал в Алданском районе, этом, если можно так выразиться, супермедвежьем крае. Рассказами о случаях с медведями была буквально пропитана вся наша жизнь. Если даже ты не охотник и не рыбак, то, живя в Якутии, не мог не быть на охоте и на рыбалке, а значит, многократно слышал истории о всяком зверье, а больше всего – о медведях. Слышал эти рассказы и я.

Охотница

В середине семидесятых годов, осенью, вместе с приятелем, секретарем райкома партии, поехали на сбор брусники на реку Синюю, приток Вилюя.

В нескольких километрах от устья реки располагался метеопункт. Его обслуживала семья якутов – муж и жена. Возраст их – лет под пятьдесят. Жили они в очень труднодоступном месте: мелководье и пороги позволяли подняться на моторной лодке вверх по реке только два раза в год – в весенний и осенний паводки. В другое время года к ним можно было пробиться только на сверхпроходимом вездеходе.

Более красивого места в Якутии трудно сыскать. Была там одна достопримечательность – каменные столбы. Кто видел Енисейские столбы на Енисее и Ленские на реке Лене, только тот и может по достоинству оценить красоту столбов на реке Синеи. Каменные перья стоят отвесно на берегу реки, простираясь в небо на высоту до одного километра. Дикая коза, подошедшая к краю каменной горы, казалась снизу, с берега реки, мелкой букашкой. Мало кому была известна необычная красота этих столбов. Говорили, что ни один человек еще не поднимался на их вершины.

Брусники было много, мы специальными совками набрали, сколько нужно. Это «нужно» измерялось ведрами: собрали, помню, ведер десять.

Вот в этом краю, где и ягод было много, и дичи, в изобилии водились и медведи. Для них это был райский уголок. Довольно часто они тревожили метеопункт. Может быть не каждый из них собирался наносить какой-либо вред, но приближение медведя к жилью, к оборудованию метеопункта ничего хорошего не сулило.

Схема борьбы с медведями выглядела так. Муж, который по штату числился начальником пункта, постоянно в установленное время снимал показания приборов. Был он хромой на одну ногу. Увидев медведя или его свежий след, быстро-быстро ковылял домой, издав крик жене: «Амака! Амака!» (по якутски – это «медведь»). Жена, услышав его крик, быстро собиралась: повязывала платок, надевала дубленку, брала карабин, и, свистнув собакам, шла на встречу с медведем.

Ходила она на медведя одна в сопровождении двух собак. К тому времени, когда мы с ней познакомились, лично убила 49 медведей, шкуры которых раздавала родным и знакомым.

Таких охотников на медведей свет еще не видел. Представьте себе миниатюрную женщину очень невысокого роста, весом не более 45 килограммов, с красивым лицом восточного типа, с ухоженными руками, которые, как видно, не знали грубой работы. Одевалась она великолепно: на голове – красивый шерстяной платок, на плечах – яркая, расшитая узорами дубленка, плотные, обтягивающие тело штаны заправлены в унты, украшенные бисером. Если бы не винтовка в руках и не нож на поясе – ну просто женщина собралась к соседям в гости.

И вот в таком виде шла на медведя. Стреляла снайперски. Обычно это и решало исход дела. Рассказывала, что, как правило, хватало одного выстрела.

Уложив медведя, возвращалась домой, а черновую работу выполнял муж: снимал шкуру, разделывал тушу, доставлял все домой.

Ее хладнокровие и мастерская стрельба спасли жизнь человеку, гостившему у них. Он заметил одинокого медвежонка

и стал за ним наблюдать. Три дня, как ему казалось, медвежонок был один. И когда тот взобрался на дерево, решил его застрелить, дескать, все равно погибнет.

Еще не нажал на спуск, как прогремел выстрел. В то время, как охотник целился в медвежонка, на него со спины пошла медведица. Оказалось, что медвежонок-то был не один, а с матерью. Стреляла охотница. Стреляла, находясь на очень неудачной позиции: сзади на одной линии со всеми участниками этого события.

Она, как всегда, не промахнулась, и этим спасла жизнь человеку. Он теперь ежегодно к ней ездит с благодарностью и с подарками.

Все это было давно, почти 30 лет назад. Интересно было бы узнать, как сложилась судьба этой уникальной женщины.

Мышеловка для медведей

Ну, а действительно, как назвать сооружение, которое служит для ловли медведей наподобие приспособления для ловли мышей живьем?

Такое сооружение я видел на берегу в среднем течении реки Лены в районе Сангар. И впрямь как мышеловка: все то же самое, только размеры побольше и металлические прутья потолще.

А ловят медведей так. Рыба служит приманкой, ее кладут в середину клетки, она начинает тухнуть, прибрежным ветерком запах разносится очень далеко. Тухлая рыба для медведя – деликатес. Когда он заходит в клетку, дверка ее захлопывается. Ну, а дальше уже дело техники: поступай с медведем, как надо. Медведь на воле – страшный зверь, это очевидно. Но, оказывается, он страшен даже сидящим в клетке.

Когда мне показали эту клетку, она была пустая, а всего лишь неделю назад, как рассказывали, в ней был медведь. Набрили на клетку три охотника и увидели, что в клетке ничком лежит медведь. Клетка была не ими поставлена, но посмотреть на медведя, даже мертвого, уж очень соблазнительно. Встали

они, разговаривая, вокруг клетки, закурили, стряхивая пепел на медвежью шкуру, потыкали медведя ружьями.

И тут вдруг «дохлый» медведь подпрыгнул, оттолкнувшись всеми четырьмя лапами, кровожадно и зло рявкнул. Охотники бросились врассыпную. Один рванулся в воду, второй бросился бежать по берегу реки, а третьему явно не повезло: он стоял со стороны крутого берега и страх понес его вверх по песчаной осыпи, которая, несмотря на его лихорадочные усилия, опускала его к клетке с медведем. А через прутья лапой медведь мог его и достать. Кончилось все благополучно, если не считать, что охотник, который бежал по берегу, споткнулся и разбил немного лицо, а другой утопил в реке ружье, которое потом еле нашли. Воспоминаний у охотников об этом случае хватило, видимо, надолго.

Рассказали мне эту историю геологи, которые и поставили эту клетку-мышеловку. Как говорится, если они наврали, то и я вру.

Судья

Помните сказку Л.Н. Толстого, как два товарища встретились в лесу с медведем? Один убежал, а другой – не успел и притворился мертвым. Медведь его обнюхал и ушел. Тот, который убежал, спросил: «Что тебе медведь шептал на ухо?» «А он мне сказал, что нельзя товарища бросать в беде», – был ответ.

Это присказка. А вот сказка. Недалеко от поселка Чульман (это в Алданском районе в южной Якутии) осенью двое геологов – муж и жена – пошли в тайгу погулять ли, по ягоды ли – никто не знает, да это и не важно. Напал на них медведь. Схватил жену. Муж, не имея оружия, бросился бежать за подмогой. Помощь подоспела быстро: поселок геологов был недалеко. Но к этому времени медведь ободрал женщине всю спину, хотя она была еще жива. Срочно доставили ее в больницу.

Поселок разделился надвое: одни говорили, что муж не должен был убегать, надо было защищать жену всеми средствами, другие – правильно сделал, иначе погибли бы оба.

Врачи сказали, что женщина обречена, что жить ей осталось дня два – уж слишком страшные раны нанес ей зверь. Она была в сознании, к ней ходили прощаться друзья, знакомые. Пришел и муж. Ей сказали об этом. Видеть его она отказалась.

Бойцы

А вот ЛЭПовцы поступили по-другому. Для тех, кто не знает, ЛЭПовцы – это строители линий электропередач. ЛЭП, в отличие от дорог, почти всегда проходят по прямой, пересекая безлюдные, дикие, нехоженые места: таежные дебри, тундру, горы.

ЛЭПовцы, как и геологи, – бывалые, смелые, отчаянные люди. Когда ЛЭП ведут через тайгу, то все общение, движение техники и людей проходит по прорубленной просеке.

И вот как-то зимой в 60-х годах недалеко от строящейся Вилюйской ГЭС трое ЛЭПовцев-рабочих шли в базовый лагерь получить зарплату по тропинке, протоптанной в снегу на просеке. На идущего впереди напал медведь-шатун. Зверь этот страшен и опасен. Голодный, злой, он не боится никого и ничего.

Тропинка, по которой шли рабочие, считалась освоенной, поэтому оружия у ЛЭПовцев не было, если не считать один складной ножик на троих. Чувство самосохранения подсказывало бросить товарища и убежать. Медведь наверняка не стал бы никого преследовать.

ЛЭПовцы, не колеблясь, поступили по-другому. Они стали спасать товарища. Борьба была неравной: против одного небольшого ножа клыки, когти и огромное превосходство в физической силе осатаневшего от голода матерого зверя.

Но победили люди. Окровавленные, изодранные с поломанными костями они добились медведя. Их раны вскоре зажили.

Случай этот рассказало мне ЛЭПовское начальство и показало победителей медведя со словами: «Вот они, бойцы, знакомьтесь!» Я был удивлен. Ну, и бойцы: среднего роста, обычные люди, ничего выдающегося ни в облике, ни в манере общения.

Кувалда

А этот случай был описан в газетах. Близок он мне тем, что я не раз был в тех местах, где он произошел. Дело было на зимнике Мирный-Айхал, примерно на середине пути. (Зимник – это временная автомобильная дорога в Сибири, действующая только зимой). Заглох двигатель у грузовика. Отремонтировать своими силами водитель его не смог. Принял решение, не ожидая попутной машины, которая могла быть и через час, а могла быть и через сутки, идти пешком до ближайшего пункта по обслуживанию зимника. Слил воду из радиатора (в те времена в радиаторы заливалась вода, тосола еще не знали) и пошел.

Как правило, водители на зимниках возили с собой ружья. У этого почему-то ружья не было. На всякий случай взял он с собой кувалду. Дело было днем, но уже смеркалось, на дороге стоял зимний туман, как нередко бывает в Якутии при сильных морозах. Неожиданно буквально в нескольких метрах перед собой водитель увидел медведя, который медленно встал на задние лапы.

Парень сначала оцепенел, а затем все сделал автоматически: перехватил рукоятку кувалды в боевое положение, затем – два-три шага навстречу медведю, замах кувалдой и страшный удар медведю по темечку. Свалил его сразу, а затем добил уже лежачего несколькими ударами.

Как медведь форсировал Вилюй

С приятелем, взяв с собой шестилетнего сына, поехал в субботу из г. Мирного на р. Вилюй отдохнуть.

Был жаркий летний день. На автомашине доехали до реки. Нас ждали. Погрузились в моторную лодку, намереваясь переправиться на другой, совершенно безлюдный берег.

Не успели отчалить, как с нами поравнялся небольшой катер, на борту которого расположилась веселая полупьяная компания руководителей дорожного управления. Молодые (лет по 25-30), здоровые, в полосатых морских тельняшках, головы повязаны косынками, на поясах – ножи, в катере полно ружей. Во все горло поют какую-то пиратскую песню, чувствуя себя, конечно, морскими разбойниками. На секунду замолчали, церемонно с нами поздоровались и, продолжая песню, быстро скрылись за поворотом реки.

Не прошло и минуты, как мы услышали беспорядочную стрельбу. Секунд через десять, когда мы выплыли на середину реки, глазам нашим представилась удивительная картина: все наши «пираты» были в воде, их лодка перевернута и от одного человека к другому, как челнок металась мохнатая голова медведя, казавшаяся в сравнении с головами людей просто огромной. Люди были в воде беззащитны. Ружья они утопили, а нож в воде против медведя – не оружие: ни замахнуть, ни ударить прицельно и с силой невозможно.

Наши герои только успевали нырять при приближении к ним зверя. Всю компанию: людей и медведя довольно быстро выносило на плес. А там уже медведя встречали с ружьями и, не дав ему выйти из воды, застрелили.

А началось это событие так. «Пираты» увидели переплывающего реку медведя и решили его застрелить. Подплыли поближе, стали стрелять – и все мимо. Подплыли еще ближе, но медведь вдруг рванулся к лодке и ударом лапы перевернул ее. Ну, а что было дальше, мы уже видели.

Экспедиция за смородиной

Прочитал книгу «Злой дух Ямбуя». В центре событий – медведь-людоед и его «подвиги». А то, что расскажу, вполне могло бы быть страничкой этой интересной книги.

Жили мы в Якутске и как-то в конце лета собрались сплавать на остров в устье Алдана, притока р. Лены за лесной смородиной. Надо сказать, что лесные ягоды на Севере содержат намного больше витаминов, чем садовые, да к тому же черная лесная смородина, в частности, кажется еще и слаще.

Ехать договорились двумя семьями: я, жена, 12-летний сын, приятельница жены и ее муж. Поплыли на моторной лодке, высадились на берег недалеко от того места, где должны были собирать ягоды. Поставили палатку, переночевали, а утром отправились на заготовки.

Впереди шли мы, двое мужчин. Местные жители нас предупредили, что где-то здесь недалеко, буквально, час-полтора назад медведь напал на корову. Отнеслись мы к этому сообщению как-то не очень серьезно. И надо же так случиться, что вскоре мы наткнулись на эту корову.

Лежала она на лугу в невысокой траве. Почему ее не нашли сразу – непонятно. Шкура и мясо с бока, обращенного к небу, почти полностью отсутствовали, как будто их и не было вовсе. Как на картинке видны были оголенные внутренние органы. Следов крови не было заметно. Ощущение было такое, что какая-то страшная неземная сила просто оторвала у коровы часть туловища. Корова была жива, но не шевелилась. Из глаз ее обильно катились слезы. Услышав далекие голоса идущих сюда людей, мы поспешили уйти от этого страшного места.

Ягоды решили все-таки собирать, хотя знали, что где-то неподалеку бродит медведь, которому кто-то испортил охоту. Меры предосторожности приняли. У нас было две винтовки: карабин «Лось» и малокалиберная ТОЗ-овка. Я ягоды не собирал, а ходил с двумя заряженными ружьями, готовыми к бою.

Было постоянное неприятное ощущение, что на тебя кто-то смотрит. Быстро поворачивался в ту сторону, откуда ощущался взгляд, но ничего не замечал. Тревоги добавил свежий медвежий помет, на который я чуть было не наступил.

Дело кончилось благополучно. Ягод мы набрали ведер по пять на семью. Тогда мне казалось, что мы молодцы, не испугались и сделали то, что хотели, несмотря на опасность.

Сейчас по прошествии десятилетий я вспоминаю об этом инциденте, как о самой большой глупости в своей жизни.

Рассказ Белова

Анатолий Сергеевич Белов – ниже среднего роста, полненький, пузатенький с короткими ручками, по земле не ходил, а как бы катился. Неунывающий весельчак и балагур, знаток анекдотов и великолепный их рассказчик. Мастер сочинять истории. Может быть и эту сочинил, а может и нет, может то, что я перескажу с его слов, и было на самом деле.

«Поехал я в Ленск в командировку на УАЗике-фургоне. За рулем – водитель, я – рядом. Дело было поздней осенью. Кругом снег – и в тайге, и на дороге. Остановились, вышли по малой нужде. Стоим с водителем рядом с машиной и пишем в кювет на какую-то вроде бы шерсть, выступающую из снега. Не успели закончить, как «шерсть» не то, чтобы зашевелилась, а просто подпрыгнула и так рывкнула, что мы оба с незастегнутыми штанами взлетели на крышу УАЗика.

«Шерсть» оказалась здоровенным медведем. Описанный нами зверь стал гонять нас по крыше машины, пытаясь достать передними лапами.

В кабине была малокалиберная винтовка, но добраться до нее нечего было и думать. Бегаем по крыше и вдруг (о, счастье!) слышим звук подъезжающей встречной автомашины. Машем руками, кричим. Грузовик остановился от нас близко, метрах в десяти. Вышел водитель, идет к нам, на ходу спрашивает насмешливо – весело: «Чего случилось-то? Чего орете?» Кося глазами на медведя, кричим: «Медведь!» А медведь был в это время за нашей машиной. «Какой на х-- медведь?» – водитель

грузовика не успел и договорить, как медведь выскочил из-за УАЗика на дорогу. Веселый водитель мгновенно оказался рядом с нами на крыше фургона. Топчемся втроем.

Дорога Мирный – Ленск напряженная, машины по ней ходят часто. Слышим вскоре, что едет машина со стороны г. Мирного. Тоже грузовик. История повторилась. Сидим на крыше уже четверо. Бегать по крыше теперь нельзя – места не осталось. Прижались друг к другу, держимся за руки, вертимся в центре и от когтей зверя аккуратно отступаем на противоположный край крыши, стараясь с нее не сорваться. А он, мерзавец, бегаёт вокруг машины на задних лапах и все силится нас достать.

Едет мотоциклист. Увидел нас издалека: три машины рядом и четыре человека на крыше УАЗика. Только и успел сказать: «Мужики!» и сделать к нам шага два, как выскочил медведь и сшиб его с ног. Мой водитель мгновенно спрыгнул, схватил винтовку, вставил дуло в ухо медведю и выстрелил. Вобщем, мы победили, но медведь успел вырвать клочок мяса из задницы мотоциклиста. Отвезли мы его сразу же в больницу.

Медведь оказался тощим и драным, шерсть его свалялась и была не поймешь какого цвета. Роста был высокого, но сил, видно, у него было уже мало и достать нас поэтому не смог.

Вся история-то эта заняла минут десять. Было уже холодно – градусов под 30. И, если честно, то я так и не успел застегнуть штаны и немного подморозил основной орган.

А ведь могло быть и значительно хуже. С самого начала махнул бы медведь своей когтистой лапой и мог бы запросто оторвать этот самый орган. Мораль простая: не писай на кого попало.»

БЫЛА ТАКАЯ ПАРТИЯ

Беспартийные зигзаги партийных лидеров

Районное начальство в Якутии всегда на виду. Это не Москва или даже не какой-нибудь российский город, где живут сотни тысяч человек. В Якутии 30 тысяч населения в районном центре – уже очень много. Но что такое даже 30 тысяч? Это ведь все знают все про всех, а про начальство – тем более. Это знание особенно серьезно осложняло жизнь партийным руководителям: ведь они должны быть образцом во всех отношениях, особенно в моральном плане.

Придет такой человек в гости даже к ближайшим соратникам, – и лишнюю рюмку не выпей, не скажи чего лишнего, танцевать надо думать, с кем. А, не дай бог, хлопнуть какую-нибудь женщину дружески по попе – вообще капут, ославят и не оправдаешься.

Короче говоря, тяжелая была жизнь у районного партийного начальника. И вот, настрадавшись в такой обстановке 2-3 месяца, он едет в Якутск или на пленум, или на собрание республиканского актива, или на какое-либо подобное мероприятие. В аэропорту прощается с сопровождающими, со строгим выражением лица дает последние наказания, наставления, советы, садится в самолет и ...буквально после взлета это – другой человек.

Он начинает отдыхать, он уже не секретарь, он – свободный гражданин. Глаза сами ищут женщин посимпатичней, от рюмки не отказывается, анекдоты и послушает с удовольствием, и сам расскажет. Прилетает в Якутск человеком, абсолютно готовым к окончательному освобождению от всяких условностей, которые держали его в районе в жестких рамках.

Примерно в такой вот кондиции прибыл как-то в Якутск секретарь одного из райкомов партии Иван Христофорович. По общей оценке и начальства, и районных работников – деловой и умный человек. Устраивается в гостинице и сразу же идет в

обком – отметитья, узнать программу предстоящего мероприятия.

Дальше все ясно: вечер свободный, значит – в ресторан с друзьями, с коллегами, которых не видел несколько месяцев. Уже в ресторане потянуло покорить какую-нибудь представительницу прекрасной половины человечества, да объект подходящий не подвернулся.

Ну, что ж, не повезло в ресторане, зато повезло в гостинице. Идет в свой номер и вдруг – не верит своим глазам: из его комнаты выходит женщина, симпатичная сказать мало, просто красивая. Средних лет, фигуристая. Ну, думает, вот оно – везение. Она представилась горничной, сказала, что сменила полотенца. Уговорил ее вернуться в номер, угощал фруктами, налил вина. Фрукты она попробовала, а вино пить не стала: на работе нельзя. Только и смог он в этот вечер погладить ее руку от кисти до локтя. Убежала, говорит, что в номерах задерживаться не разрешается. Но обещала прийти завтра.

Иван Христофорович давно не испытывал таких сладких мук ожидания. Какие только картины не рисовало его воображение! Заснул с большим трудом. Республиканское совещание закончилось на следующий день часов в пять вечера. Осталось в распоряжении Ивана Христофоровича конец дня и завтрашний день. Мало, очень мало времени. «Но ничего, сдюжим. Большевики трудностей не боятся», – так он при случае говаривал в районе, воспитывая молодежь.

Проблемы, которые намечалось решать с областными организациями, были отложены. Иван Христофорович пошел в магазин и купил все, что положено для встречи гостыи. Увидел ее на своем этаже в комнате для горничных. Сердце защемило от счастья. Подмигнул ей, она – ему, и минут через пять явилась к нему в номер. Гостью звали Зиной. От вина не стала отказываться. Объяснила, что свою смену закончила и может себе позволить побыть в гостях.

Вино сделало ее просто неотразимой: глаза блестели, лицо порозовело, волосы слегка растрепались и красиво легли на

плечи. И отношения у них стали налаживаться. Ивану Христофоровичу уже было позволено и руку поцеловать, и за талию обнимать. Все бы хорошо так и продолжалось, но Зина вдруг заторопилась домой и, как он ее ни уговаривал, ласково, но твердо настояла на своем. Уходя, обняла и поцеловала его в щеку. Договорились, что уж завтра она точно торопиться не станет, придет и побудет у него подольше.

Она ушла, а Иван Христофорович, распаленный, не мог успокоиться. Ходил по комнате, как разъяренный тигр в клетке. Подвернись ему сейчас любая особа в юбке, о-о-о, что бы он с ней сделал! Бурлящая в нем энергия требовала выхода. Хватил стакан водки, хмеля не почувствовал. Выпил второй стакан, слегка закусил, стало полегче. Зазвонил телефон. Его звали в гости соседи по району, приехавшие на это же совещание. Согласился с радостью. Идти далеко не надо было, приятели располагались на этом же этаже.

Компания была веселая. Выпили немало. С трудом расстался с ними в первом часу ночи. Шел к себе в номер и опасался, как бы не завалиться по дороге. Опыт на этот счет уже был. Знал, как нужно правильно идти. Конечно, можно просто держаться за стенку, наверняка не упадешь, но всем видно, что ты пьян, а это уже плохо, кто-нибудь да расскажет об этом начальству.

Правильное хождение в нетрезвом виде по коридору требовало определенной сноровки. Главное тут было – определить оптимальную дистанцию от стенки, затем, чуть-чуть наклонившись в ее сторону, незаметно одним-двумя пальчиками до нее вроде бы дотрагиваться. Легкий крен в сторону стены давал уверенность, что тело не качнется в другую сторону, где нет опоры, а то ведь не дай Бог и равновесие потеряешь. И еще одно условие надо было соблюсти обязательно – это идти в бодром таком темпе, не бежать, упаси Господи – скорей упадешь, но идти быстро, так как при медленном шаге начинается качка.

Это искусство хождения в нетрезвом состоянии Иван Христофорович освоил уже давно и прочно. Поэтому и дошел до номера без всяких приключений. Но впереди его ждало новое испытание: надо было попасть ключом в замочную скважину, повернуть ключ и тут же войти в комнату. Сложность была в том, что, вставив ключ, он мог расслабиться. Так уже было один раз, когда перегруженный алкоголем организм отреагировал на эту маленькую промежуточную победу, как на крупное достижение – и отключился, заснул у двери снаружи помещения. Даже вспоминать неприятно. Ну, а сейчас все было нормально. Старый опыт, помноженный на волевое усилие, не допустил сбоя.

Спал Иван Христофорович, как убитый. Разбудил его телефонный звонок. Вчерашние приятели побеспокоились, не дали проспать. Голова трещала. Посмотрел в зеркало – ох! Лучше бы и не смотрел. Кое-как привел себя в порядок. Побрился, умылся, освежил дыхание своим отработанным способом: несколько минут жевал специально приготовленную для этого траву. Использовал и еще одно проверенное средство: две-три капли нашатырного спирта на стакан воды хорошо приводили его в более-менее нормальное состояние после неумеренного потребления спиртного. Есть не хотелось. И несмотря на принятые меры, здорово тянуло опохмелиться. Но – нельзя, есть неотложные дела, так что надо терпеть.

Перебрал бумаги, которые были подготовлены еще в районе, и пошел «решать вопросы». Бумаг было не так и много. Сначала зашел в Облсовпроф, поскольку дела там были самые легкие. Без труда договорился о выделении районным организациям дополнительных путевок в санатории и дома отдыха. Пришел бы чуть позже – и эти путевки достались бы другому району.

Окрыленный успехом, прямо из приемной председателя созвонился с двумя республиканскими министрами о времени приема. И здесь все удалось. Встречи состоялись строго в назначенное время и с обоими министрами удалось прийти к

согласию именно в той постановке проблем, как они обозначались в письмах в их адрес. Конечно, успех во многом объяснялся тем, что Иван Христофорович знал этих министров давно: лет пятнадцать назад они вместе работали на угольном карьере. Знакомство, без сомнения, помогло, но ведь и сами проблемы были проработаны и грамотно поставлены. Решил про себя, что руководителей районных предприятий, готовивших письма, надо похвалить. Молодцы, грамотно поставили вопросы. Чувствуется моя школа.

Итак, общественные дела закончились. Теперь можно заняться и личными проблемами. Во-первых, хватит мучиться, нужно немедленно опохмелиться и почувствовать себя нормальным человеком. Вариантов было несколько. Самое простое решение – выпить граммов сто у себя в номере. Вариант посложней (по затратам времени) – пообедать в ресторане гостиницы. На ум пришел и третий вариант («Будь он проклят», – такими словами вспоминал его впоследствии Иван Христофорович) – навестить семью давней подруги жены.

Решил сделать жене приятное. Позвонил этой подруге и надо же, она оказалась дома. Долго разговаривать не стал. Сказал ей, что у него всего полчаса времени, что он рассчитывает наскоро перекусить у нее и убежит по своим делам. Зашел в магазин, купил бутылку вина, коробку конфет приобрел еще раньше в министерском буфете и минут через двадцать появился в гостях. Ситуация сразу стала развиваться по непредусмотренному сценарию. После обмена любезностями и передачи приветов выяснилось, что от подруги совсем недавно ушел муж. Наскоро опохмелившись, Иван Христофорович вынужден был как мог утешать придавленную горем женщину.

В процессе утешения как-то незаметно поглощая рюмку за рюмкой, которые хозяйка постоянно наполняла наливкой домашнего приготовления, он постепенно освобождался от принятых на себя обязательств. «А чего торопиться-то? Ну, приду в гостиницу на полчаса позже, ничего не случится. Зина

никуда не убежит». Стал внимательнее приглядываться к хозяйке. Да, знала бы жена, что ее подруга осталась одна, ни за что бы не послала к ней Ивана Христофоровича. Уж очень хороша была подруга в своем горе. И утешениям поддавалась вроде бы даже с удовольствием.

Наливка пилаась легко и приятно, но силу ее Иван Христофорович оценил только тогда, когда захотел встать со стула. Ноги не слушались, перед глазами поплыли стены комнаты. Хозяйка настоятельно советовала ему прилечь и отдохнуть, начала было помогать ему раздеваться. Но Иван Христофорович был стреляный воробей. Категорически отверг это предложение и раздевать себя не позволил. Собрал волю в кулак и твердо заявил, что ему необходимо немедленно идти в гостиницу, где у него намечена важная встреча.

Хозяйка огорчилась, но удерживать его не стала. Помогла ему надеть пальто, но тут обнаружилось, что самостоятельно он может передвигаться очень неуверенно и одного его отпускать просто нельзя. Пришлось ей сопровождать его до гостиницы. Привела его в номер, только стала прощаться, как появилась Зина, которая сложившуюся ситуацию поняла так, как ее восприняла бы практически любая женщина, оказавшаяся на ее месте. Подруга жены очень быстро смекнула, что она лишняя, и тут же исчезла.

Положение было тяжелое. И усугублялось оно тем, что эта проклятая наливка подействовала и на речь, сделав ее бестолковой и бессвязной. А руки, наоборот, приобрели легкость и свободу и помимо воли Ивана Христофоровича стали ловко хватать Зину за выпуклости.

От обиды у Зины затряслись губы. Она готовилась к свиданию, надела лучшее платье, сделала модную прическу, а этот гад, мало того, что напился пьяным и бабу какую-то привел в номер, еще и руки распускает. Свинья! Расплата наступила мгновенно: звонкая пощечина одной рукой, а другой – удар в поддых, от которого Иван Христофорович без сил опустился на кровать, ловя ртом воздух и всем своим организмом ощущая

справедливость наказания. Руки Зины оказались на уровне его лица, он схватил их и стал целовать. Любовь к Зине с такой силой захватила его, что слезы буквально брызнули из его глаз. А говорить мог только одно: «Прости! Прости! Прости!»

Зина рывком освободила руки, безгласно вытерла их о покрывало кровати. Твердым голосом скомандовала: «Ладно, Ваня, хватит болтать! Раздевайся и ложись! Быстро!» Такого оборота Иван Христофорович не ожидал. Подумал: «Господи, неужели прощен? Зинуля, ты просто святой человек!» Зина подгоняла: «А ну, быстрее!» Только Иван Христофорович залез под одеяло и стал ждать, когда и Зина начнет раздеваться, как в дверь кто-то негромко постучал. Зина сказала: «Войдите!» В комнату робко вошел молодой человек лет двадцати пяти. Это был секретарь райкома комсомола, член делегации Ивана Христофоровича. Он не ожидал встретить здесь женщину.

А Зина даже обрадовалась его приходу. Улыбнулась, предложила ему присесть на стул. Подошла к кровати, двумя руками подтянула край одеяла под подбородок Ивана Христофоровича и с силой пережав его горло так, что у него перехватило дыхание, злым голосом отчеканила: «Лежи, гад, и не дергайся! Встанешь, пьяница, хуже будет!» И ушла, хлопнув дверью.

Положение Ивана Христофоровича было, как говорится, хуже губернаторского. В какие-то секунды все переменялось: «Зина, почти моя Зина, красивая, ласковая оказалась такой стервой». И совсем было плохо то, что его позор видел этот мальчишка, комсомолец, с которым он не раз проводил воспитательные беседы, разбирая случаи пьянства среди молодежи. Положение комсомольского секретаря было не лучше: на его глазах произошло крушение идеала. Его бог, кумир, образец для подражания упал с пьедестала.

С минуту продолжалось тягостное молчание. Иван Христофорович закрыл лицо одеялом, приходил в себя и напряженно думал, искал выход из этой поганой ситуации. Его хмельная голова прокрутила массу вариантов. И решение было

найдено. Он откинул с головы одеяло. Его лицо, только недавно бывшее испуганным и растерянным, выражало привычную уверенность, губы растянулись в улыбке: «Вот, Вася, бывает же так в жизни. Случайно встретил свою давнюю любовь. Узнала, что я женился. Ревнует, не может мне простить измены. Да какая же это измена? Я и не знал, что она меня так любит. А сейчас вот обижается, мстит. Понять-то, конечно, ее можно. Она ведь до сих пор замуж не вышла. Говорит, что из-за меня. Ну, да бог с ней. Чего ж теперь поделаешь? У тебя-то какое ко мне дело, зачем ты ко мне зашел?»

«Да нет у меня никаких дел, Иван Христофорович! А зашел просто так, думал, может, ко мне какие-нибудь вопросы будут».

«Молодец, что зашел. Вопрос к тебе есть – Иван Христофорович засмеялся – мы с тобой мужики все-таки, понять ты меня должен. Такие вот выкрутасы судьбы одному переживать трудновато. Вот тебе деньги, купи, пожалуйста, бутылку хорошей водки в нашем буфете. Закуска есть. Только быстро, ладно?»

Пока Вася отсутствовал, Иван Христофорович привел себя в порядок: оделся, застелил кровать, сполоснул лицо холодной водой. Усмехнулся про себя. Я, дескать, действую, как Штирлиц, который говорил, что в разговоре запоминается последний эпизод. Вот мы сейчас с Васей выпьем как следует, он это и запомнит.

Отсутствовал Вася недолго. Выпить с первым секретарем, хозяином района было, конечно, для него лестно. Кому расскажешь, вряд ли и поверят. Одно немного смущало – он вообще не пил спиртное, не принимал его организм алкоголь. На праздник или на какое-нибудь торжество выпивал он, бывало, бокал шампанского или рюмку вина. Этим и ограничивался. Работал он на своем посту недолго, и этот его недостаток пока не мешал ему, но ощущался им самим, как большой минус, как препятствие, которое ему обязательно рано или поздно надо преодолеть.

Иван Христофорович похвалил Васю за оперативность, вылил содержимое бутылки в два стакана, наполнив их до краев. Один стакан подвинул ошеломленному Васе со словами: «Ну, комсомол, покажи, на что ты способен!» Не готов был Василий к такому суровому испытанию. Максимальная доза, которую он себе представлял, это рюмка водки. Иван Христофорович поднял свой стакан, пронзительно со значением посмотрел в Васины глаза: «Ну, Василий Семенович, давай, за все хорошее! Нам с тобой еще сколько работать – ого-го!» и выпил медленно, не морщась, до дна.

У Васи на глазах был совершен подвиг. Он, конечно, видел, и не один раз, как пили водку такими дозами. На Севере это не в диковину. Но пили так мужики, рабочие или молодые парни на охоте или рыбалке. А тут – первый секретарь, это тебе не шутка. Сомнения были отброшены. Василий поднял свой стакан, солидно сказал: «Спасибо, Иван Христофорович! Ваше здоровье!» и, мобилизовав все внутренние ресурсы, так же медленно, с достоинством выпил его до дна. Но вот не поморщиться не получилось. Как ни старался, лицо исказила гримаса. Закусили шоколадкой.

Вася укладкой смахнул с глаз выступившие от напряжения слезы. Страшным усилием воли несколько секунд сдерживал рвавшуюся выскочить из желудка водку. Наконец, кое-как победив свое слабое, нетренированное нутро, смог поддерживать разговор, который затеял Иван Христофорович на тему, им обоим хорошо известную – об их районе, о перспективах его развития, о передовиках производства, то есть о всем том, что многократно обсуждалось на партийных конференциях и других самых различных районных мероприятиях.

Доза выпитой водки оказалась чрезмерной для обоих. Минут через пятнадцать они, уже забыв субординацию, обнимались и клялись в дружбе и любви и приняли решение пойти в ресторан, расположенный в гостинице. Сил хватило дойти до дверей этого заведения. И тут на глазах у почтенной

публики с Васей произошло то, что и должно было произойти с человеком, отравленным алкоголем – его просто вывернуло наизнанку. Иван Христофорович начал было суетливо опекать его, но ресурсы его тоже были на исходе, и он, присев в кресло, стоящее в вестибюле, как казалось ему, всего на минутку, мгновенно заснул.

Глазам председателя областной партийной комиссии (кто не знает – это что-то вроде партийного прокурора), идущего в ресторан по приглашению друзей, предстала картина, от которой он, старый партиец, пришел в ярость. И было от чего: секретарь райкома партии лежал в кресле в позе раненого бойца, внезапно потерявшего сознание, его растрепанный вид был отвратителен. Рядом с ним, стоя на коленях, крепкими молодыми руками обнимал урну, засунув в нее голову чуть ли не наполовину и издавая рычащие звуки, секретарь райкома комсомола. Меры были приняты незамедлительно. Обоих мужчин оперативно доставили в их гостиничные номера и приказали на следующее утро явиться в обком партии.

А дальше все пошло по стандартной схеме: беседа с первым секретарем обкома, его распоряжение орготделу срочно подготовить вопрос об аморальном поведении членов партии, причем рассмотреть это дело в тот же день не откладывая, на бюро обкома, пока его члены не разъехались по командировкам. Были взяты письменные объяснения с каждого персонально. И Иван Христофорович, и Вася признавали свою вину и написали, что заслуживают сурового наказания. Часа через два их ознакомили с проектом решения. Да, такого они не ожидали: намечалось объявить им по строгому выговору с занесением в учетную карточку и освободить от занимаемых должностей.

Вася был убит горем. Иван Христофорович держался неплохо, в уме перебирал все возможные варианты достойного выхода из положения, но, к великому своему сожалению, ничего мало-мальски приемлемого не находил. Решил: «Будь, что будет!»

Бюро началось, как обычно. Перед тем, как пригласить проштрафившихся, первый секретарь проинформировал членов бюро о сути дела, объяснил срочность рассмотрения данного дела и необходимость строгого подхода к нарушителям. Уже в присутствии виновных инструктор, готовивший этот вопрос, официально сделал сообщение на основе их письменных объяснений. Ну, а дальше выступали члены бюро. Все единодушно, как и настраивал их первый секретарь, клеймили нарушителей партийных норм и заявляли, что они будут голосовать за предложенный проект решения.

Дело подходило к концу. Осталось дать последнее слово «несчастливым пьяницам», как их назвал один из выступавших, а после них – что-то скажет первый секретарь, затем – голосование.

Иван Христофорович встал со своего места и подошел к торцу длинного стола, за которым сидели члены бюро. С минуту помолчал, глубоко вздохнул. Речь свою он обдумал заранее. Правила игры в таких ситуациях он усвоил давно и прочно, твердо знал, что спорить, доказывать, что не виноват не только бессмысленно, но даже и вредно – наверняка получишь большее наказание, чем намечалось в проекте. Нужно было каяться и просить о снисхождении. Очень ценилось благородство, когда берешь вину и ответственность на себя. Он сам не раз проводил заседания бюро у себя в районе на подобные темы и помнил, как смягчались даже непримиримые к нарушениям моральных норм партийные ортодоксы, если провинившийся вел себя «правильно».

Он хорошо знал почти всех членов бюро, сидевших перед ним за столом, часто встречался с ними и по служебным делам, и в неформальной обстановке. Многие из них тоже были не безгрешны. Кто-то любил выпить, кто-то не прочь был погулять на стороне, а некоторые прекрасно совмещали и то и другое увлечение. А сейчас они – его судьбы и он понимал, что пощады от них он не дождется. Знал он и первого секретаря и, пожалуй, больше и лучше, чем всех остальных. Они были ровесниками,

вместе учились в институте. По большому счету друзьями не были, но считались хорошими приятелями. Вместе занимались спортом, ходили на танцы, участвовали в молодежных мероприятиях. Когда женились, какое-то время ходили друг к другу в гости, а потом их связь как-то незаметно не то что бы оборвалась, а правильное сказать – завяла. Во время беседы до заседания бюро первый секретарь вел себя официально, как будто и не было старых приятельских отношений. Напоминать об этом и просить снисхождения Иван Христофорович посчитал ниже своего достоинства.

Иван Христофорович еще раз вздохнул, изобразил на лице глубокую скорбь, виновато опустил глаза и твердым мужским голосом объяснил, что в грехопадении Василия виноват лично он, Иван Христофорович: он его старший товарищ, практически его начальник, поэтому послушаться, когда его пригласили вместе выпить, комсомольский секретарь просто не мог. И еще, дескать, надо иметь в виду, что Вася выпил-то всего стакан. Это разве доза? Да у нас перед работой половина молодых каждый день столько пьют и никто даже не замечает. Вся беда в том, что Вася вообще непьющий, а я, старый дурак, не знал об этом. Виноват, плохо знаю свои кадры.

Дальше надо было говорить о себе. Опять вздохнул и тут, как молния, пронеслась через мозг идея. Дело все в дозе, выпили-то мы всего ничего, но для нас это много. Васе много ясно почему, я это объяснил, а мне много потому, что стар стал. Стоп! Хватит рассусоливать! Не все еще потеряно.

Поднял голову, обвел всех сидящих глазами. Кое-кто избегал его взгляда, но большинство смотрело на него осуждающе. А первый секретарь был воплощением принципиальности и справедливости, взор его излучал уверенность и непреклонность. Иван Христофорович принял простодушный и даже слегка придурковатый вид и начал говорить уже о своей персоне: «Товарищи члены бюро! Я виноват и заслуживаю наказания, в своем письменном объяснении я подробно написал об этом. Единственное, о чем прошу – учесть одно обстоятельство. У себя в районе я ведь не

30

пью, вы это знаете. А приезжаешь в столицу – и трудно сдержаться: много знакомых, приятелей, все приглашают в гости. Но главное даже не в этом. Здоровье уже не то, что в молодости, да и годы не те. Вот, помню раньше, лет тридцать назад выпьешь пару стаканов водки, утрешься рукавом и хоть бы что, даже никто и не заметит, что ты пил. Семен Захарович – обратился он к первому секретарю – помните мы с Вами, по моему, на четвертом курсе как-то выпили побольше, чем по бутылке на брата, и – на танцы...»

Лицо Семена Захаровича буквально окаменело, а после начала воспоминаний о том, что он когда-то пил водку такими непомерными дозами, да еще и ходил после этого на танцы, глаза его округлились и челюсть слегка отвисла. С такой наглостью подчиненных он не сталкивался очень-очень давно. Секретарствовал он уже больше десяти лет, имел незапятнанную репутацию, а правильное сказать – не было даже и намека на какое-нибудь пятнышко, авторитет его был непререкаем, и в деловом, и в моральном плане он был образцом для подражания. А тут вдруг говорят, что ты такой, как все, а то может быть и хуже других. Члены бюро напряглись, такого на заседаниях еще не бывало. Семен Захарович хотел остановить наглеца, но голос его не послушался, изо рта вырвался звук, похожий на скрип.

Иван Христофорович понимал, что здорово рискует, что играет с огнем. Что еще немного – и ему запретят говорить, поэтому продолжал свою речь в бешеном темпе: «...а на танцах-то, помните, к нашим девушкам пристали три матроса. А как мы с вами их отделали, всех троих! А когда в милицию нас забрали вместе с ними, то помните, что было? Я помню! Нас отпустили, а их задержали, сказали, что они были в нетрезвом состоянии. А мы-то с вами молодцы. Вот что значит здоровье и молодость. Сейчас, конечно, не то...»

Семен Захарович закрыл лицо руками. В зале была абсолютная тишина. Вдруг раздался хохот. Захохотал первый секретарь. Лицо его покраснело от смеха, руками он хлопал по столу, хватал себя за голову и продолжал заразительно смеяться. Вслед за ним зашлись в смехе и все члены бюро.

Глядя на это веселье, грустно-вежливо улыбался и Иван Христофорович. Большого он себе позволить не имел права.

«Ну, ты, Иван, силен! Надо же, вспомнил! А ведь было все это, было!» И вдруг разом погасил веселье: «Ну, а если без шуток, то ты, наверное, прав. Дело-то, видно, в том, что меру знать надо. Молодость-то прошла, и здоровье не то, что было. В части тебя мы, по-моему, палку перегнули. Как считают члены бюро?» Сидящие за столом одобрительно загудели. Лишь председатель комиссии партийного контроля промолчал, обиженно поджав губы. Он явно был не согласен, но перечить первому секретарю не решился.

Семен Захарович продолжал: «Есть предложение ограничиться обсуждением. Виноваты они, конечно. Но наше обсуждение – тоже наказание, и не малое. Ну, так как, других предложений нет?» Члены бюро твердо отвечали, что у них других предложений нет, что предлагаемое решение самое правильное. Голос Семена Захаровича посуровел. Он говорил, отчеканивая каждое слово и в упор глядя на стоящих перед ним виновников: «Но вы имейте в виду, что объяснения ваши мы сохраним и если допустите что-либо подобное, наказание будет жестче, чем записано в проекте сегодняшнего решения. Ясно? Члены бюро согласны? Давайте проголосуем». Посмотрел на поднятые руки: «Единогласно. Заседание бюро закончено».

Члены бюро в приемной хлопали Ивана Христофоровича по плечам: «Ну, ты, Иван, дал прикурить! Ну и хитер! Молодец!» Он же молчал и скромно улыбался. Вася впервые в жизни переживал такой стресс. Авторитет Ивана Христофоровича в его глазах вырос до невероятных размеров. Он смотрел на него с молчаливым восхищением, как на божество.

На лестнице их догнал первый секретарь: «Иван, а что ты ко мне в гости-то не заходишь?» «Да как-то все не получается, все дела, да дела». «Ну, а сейчас-то какие дела?» «Сейчас вроде бы и дел никаких нет». «Вот и пойдем ко мне. Лена будет очень рада». «Спасибо, Семен, пойдем».

Полуобнявшись, они пошли к выходу.

Раскритиковался

Прилетел в г. Мирный в командировку заведующий промышленным отделом обкома партии – человек строгий, серьезный, большой любитель поучать подчиненных. В его планах было посещение строящейся Вилюйской гидростанции. Автодорога Мирный – Чернышевский была временно закрыта: дорожники сооружали какой-то небольшой мост. Пришлось лететь на самолете.

Наш гость уж очень не хотел лететь. В воздухе он всегда чувствовал себя плохо, его мутило, тошнило, болела голова. Это хорошо знал второй секретарь горкома партии. Я же об этом даже не догадывался. Надо сказать, что за два дня пребывания в Мирном начальник нас просто заучил. Мы, оказывается, все не так делаем, почти ничего не понимаем в хозяйственных и партийных делах. Больше всего доставалось секретарю. Что поделаешь, терпели, но внутренне накалялись.

Входим в самолет последними, вернее сказать, не в самолет, а в самолетик – АН-2 на 10-12 человек. Сидим у стены боком по ходу. Наш гость, зная свою слабость, принял позу, которая его, скорее всего, раньше выручала: закрыл глаза, запрокинул голову, расслабился и отключился от всех контактов с окружающим миром.

Но здесь случилась непредвиденная ситуация. Как только самолет поднялся в воздух, стошнило какого-то молодого парня. Видимо, он здорово перепил накануне. Содержимое своего желудка он выложил по всему проходу. Зрелище и запах были непередаваемы. Выдержать все это нелегко было даже закаленным и бывалым людям. Наш начальник к таким не относился. Он сразу почувствовал неприятность, лицо его вспотело и побледнело, он завертел носом, пытаясь уйти от ужасного запаха, стремясь поймать свежий сквознячок.

Очевидно, именно в эту минуту в голове секретаря горкома созрел план страшной мести нашему нудному начальнику, для реализации которого он решил пожертвовать мной. Я сижу рядом с начальником, поэтому секретарь меня просит, да какое

там просит – велит, нахмутив брови и сделав страшные глаза, чтобы я спросил что-то очень важное у нашего гостя. Я показываю жестами, что он не в форме, пытаюсь объяснить это словами, стараясь перекричать шум двигателя. Но секретарь непреклонен – спрашивай и все тут.

Делать нечего, кричу что-то в ухо гостю, слегка толкаю его в бок. Он, чтобы отвязаться от меня, показал мне кулак, приоткрыв при этом глаза. Этому ему хватило, чтобы запечатлеть всю ситуацию во всех деталях: источник отвратительного запаха соединился с его цветным изображением. Последовала мгновенная реакция: наш начальник тут же повторил «подвиг» парня, но в гораздо больших масштабах, охватив своей «заботой» почти всех пассажиров.

Как мы долетели – лучше и не вспоминать. Проклинаемые и презираемые всеми попутчиками, первыми выскочили из самолета в аэропорту Чернышевского. Молодые мы были: секретарю – лет 30, мне – на два года меньше. А в эти годы шутки бывают и похлеще.

Смекалка

Дружили мы втроем: второй секретарь горкома партии, я, заведующий стройотделом, и начальник Гидромонтажа. Отношения были близкими до смешного. Начальник, здоровенный, крепкий мужчина, приходил к нам в гости довольно часто и с разрешения хозяев, т.е. нас и наших жен расхаживал по квартире в трусах и занимался на кухне приготовлением какого-нибудь необычного кушанья. И эта его манера (хождение без штанов) очень его однажды выручила.

Коммунистическая партия в те годы занималась всем. Не было такого дела, которое бы ее не касалось. И особая склонность у партработников была заниматься моральным обликом членов партии и беспартийных. Народ знал об этом и частенько писал жалобы в горком: или муж на жену, или жена на мужа. Были и анонимные письма.

Вот как-то в горком поступило письмо бригадира Гидромонтажа, в котором он сообщал о том, что начальник специально отправляет его вне графика в ночную смену, а сам в это время ходит к его жене. Он ссылался и на свидетелей, даже указывал их фамилии. Квартира находилась на первом этаже и многие видели в окно, как наш друг Миша расхаживал в трусах в присутствии жены бригадира, на которой вообще отсутствовала какая-либо одежда.

Вынесли вопрос на бюро горкома. Начальник спокойно все отрицает. Ничего, дескать, особенного и не было. Заходил в гости. А что ходил в трусах, то у меня привычка такая. Хозяйка была без одежды – ничего удивительного в этом нет: она у себя дома, как хочет, так и ходит. Членов бюро почему-то особенно возмутило наглое, по их мнению, вранье в части привычки ходить в трусах в чужом доме. Все выступающие по очереди клеймили начальника именно за это и требовали очень сурового наказания.

Последнее слово начальника было образцом адвокатского искусства. Здесь, как говорится, Кони и Плевако отдыхают. Он не стал лезть в дебри объяснений по поводу того, почему он появлялся в квартире бригадира в столь поздний час и без хозяина, а также полностью игнорировал факт отсутствия одежды на хозяйке. Его речь была проста и бесхитростна. Он очень деликатно упрекнул членов бюро, что зря они ему не верят, что у него действительно такая привычка: приходя в дом (свой или чужой), он всегда моет руки и снимает штаны. Это могут подтвердить многие. «Ну, вот скажите, пожалуйста, – обратился он к секретарю горкома и ко мне, назвав нас поочередно по имени и отчеству, когда я к вам прихожу, я так себя веду? Я снимаю штаны?» Мы, обескураженные таким нахальством, хором подтверждаем: «Да, да!»

Бюро, пораженное таким поворотом дела, отпустило его с миром, получив заверение, что он никогда не будет появляться в этой квартире даже в штанах.

Урок воспитания

Секретарь Якутского обкома КПСС Даниил Иванович Ширяев упрекал меня, заведующего строительным отделом этого обкома: «Вы постоянно со мной спорите!» Я оправдывался: «Даниил Иванович, я не спорю, я высказываю свое мнение.» На что он отвечал: «Но вы один в обкоме так себя ведете!» Молчу, сказать нечего, действительно, один.

В начале 70-х годов вышло постановление правительства о развитии Южно-Якутского угольного комплекса. Хозяином (заказчиком) было Министерство угольной промышленности СССР. Его Министр был очень влиятельный человек. Его решения, даже за пределами его компетентности, были окончательными и выполнялись всеми, практически, на сто процентов.

Сила и авторитет его объяснялись тем, что, как говорили, он был личным другом Л.И. Брежнева: они вместе когда-то работали в Казахстане. Человек он был умный, но, как все угольные начальники, грубиян и матерщинник.

Приехал он в Якутию в командировку для решения вопросов ускорения строительства комплекса. Проблема эта, надо сказать, была непростая: в очень короткий срок, буквально за 2-3 года должны быть созданы мощности по поставке коксующегося угля в объеме 9 млн т в год. При этом кроме объектов угольной промышленности, требовалось построить почти с нуля всю необходимую инфраструктуру, включая энергетику, город Нерюнгри и многие другие объекты.

Обсуждения этой проблемы были очень горячие и резкие. Перед самым отъездом в аэропорт у Д.И. Ширяева состоялась последняя беседа. Сидели четверо: Д.И. Ширяев, Министр, начальник «Союзшахтопроекта» Бойцов Евгений Александрович и я. Разговор шел в основном о принципиальных проектных решениях.

Докладывал Бойцов. На шахтера (а они, как правило, все здоровые, горластые, хамоватые) он был совсем не похож: роста

был небольшого, щуплый, голос негромкий, манеры – типичного интеллигента.

Вдруг Министр прерывает Бойцова: «Женя, ты что молотишь? У тебя что на плечах – голова или жопа?» Бойцов замолчал, правильное сказать, заткнулся. Говорить дальше он не мог. Правда, после небольшой паузы что-то говорил, но это была уже не речь, а лопотанье. Он покраснел, руки у него тряслись.

Министр вел себя, как будто ничего не случилось. Я молчал, так как не знал, что и делать: защищать Бойцова – глупо, сам мужик, да еще и большую должность занимает. Ширьев, никогда прежде не допускавший грубости в общении с людьми, тоже молчал. Но мне показалось, что он вроде бы просяил и бросил на меня победный взгляд.

Проводили угольщиков в аэропорт, простились. Едем обратно в Якутск на автомашине. Д.И. мне говорит: «Теперь я знаю, как с вами, строителями надо разговаривать. Вы видели, как Министр Бойцова осадил?» «Видел», – говорю. «Так-то» – говорит Ширьев.

Прошло около года. Правительство РСФСР решило рассмотреть генеральный план города Нерюнгри на своем заседании. Докладывать суть проектных решений должен был Минуглепром, участвовать в обсуждении этого вопроса был приглашен Д.И. Ширьев. В командировку с собой он взял и меня.

В Москве накануне заседания правительства Министр и Ширьев решили встретиться для согласования точек зрения. А расхождения были принципиальные. Мы, местная власть, настаивали на строительстве постоянного, капитального жилья и объектов соцкультбыта при обязательном соблюдении срока ввода в эксплуатацию производственных мощностей. Это требовало колоссального напряжения сил Министерства.

Министр же во главу угла ставил выполнение производственных задач, а на второй план отодвигал гражданское строительство, планируя строить деревянный

город с последующей заменой деревянных домов на каменные. Это его мнение и было отражено в проекте генерального плана города.

Обсуждение ни к чему не привело. Ширяев стоял на своем, Министр с ним не соглашался. В разгар спора Даниил Иванович вдруг встает, делает каменное лицо и страшные глаза и говорит, обращаясь к Министру: «Центральный комитет КПСС нас учит при решении любого вопроса на первое место ставить улучшение жизни трудящихся. Ваш вариант генплана не соответствует этому требованию.» Он хотел продолжать говорить дальше, но Министр его прервал: «Данила! – сказано это было нараспев, усмехаясь, издевательски. Так к Ширяеву никто никогда не обращался, – милай, ты хочешь на чужом х-- в рай въехать. Не выйдет, родной. Каждый поедет на своем. Так-то вот, дорогой. А в ЦК я нахожусь в 5 раз дольше, чем ты, и не тебе учить меня. Учти это. И будет так, как я говорю!»

И слова были хамские и тон был хамский. Но если бы было только это! Свою речь Министр сопровождал издевательским похлопыванием растопыренной пятерней по темечку первого секретаря.

Ширяев позеленел, посмотрел на меня, я – на него. Оба поневоле вспомнили похожую ситуацию годичной давности и поняли это. Меня черт дернул еще и усмехнуться. И как часто бывает в жизни, когда не можешь ответить обидчику, эмоции обиженного направляются в сторону тех, кто был свидетелем унижения.

Присутствия при его унижении Даниил Иванович, помоему, так мне и не простил.

ПРИКОЛЫ*

Останкинская башня

В аспирантуре, где я учился в конце 60-х годов, мои коллеги были люди молодые и любили посмеяться.

Вот как-то в перерыве между занятиями стоим в коридоре у окна, курим и болтаем о всякой чепухе. Обычно в окно хорошо была видна Останкинская башня. А в тот день туман стоял такой, что башня исчезла, как будто ее и не существовало вовсе.

Смеемся, говорим: «Мужики, башня упала, что ли?» Кто-то в тон отвечает: «Упала. Пять домов задавила.» И в таком духе болтаем, собираясь уходить в свои «кельки» продолжать грызть науку. Но тут подходит новая смена курильщиков и один из них спрашивает: «А чего башни-то не видно?»

Попал он в резонанс. В физике, дай Бог память, это явление возникает от совпадения амплитуд собственных колебаний и колебаний объекта, с которым соприкасаешься. От сложения этих амплитуд возникают огромные силы.

В данном случае наши творческие силы возросли многократно и все мы, переглянувшись, стали вдохновенно врать, причем, очень складно и не противореча друг другу, хотя говорили горячо и возбужденно, нарочито перебивая говорящего. Играли просто великолепно. Даже сейчас по простривии стольких лет приятно вспомнить.

Наша версия была такая: «Да, башня упала, раздавила пять жилых домов. Людей спасают, количество жертв подсчитывают. Теле- и радиовещание переключили на Шаболовку. Но башня не разбилась. Конструктор Никитин заложил, дескать, такой запас прочности, что башню снова можно поставить на место. Обратились к американцам: у них есть краны на пневмоколесном ходу, груз поднимают на высоту более 200 метров. Американцы согласились нам помочь, два крана уже отгружают. О дальнейших событиях, связанных с башней, будут

* Прикол (молодежный сленг) – розыгрыш, обман без корыстной цели, в шутку

правительственные сообщения каждый час по радио. Следующее сообщение – в 13-00».

Среди подошедших сразу обнаружилось «слабое звено». Это был Ваня Черняев, умный, толковый человек, будущий профессор. На удивление наш треп стал им восприниматься. Те, кто с ним пришел, все поняли и стали нам подыгрывать, выражая сомнение и вроде бы с трудом соглашаясь, подчиняясь нашей «логике».

В общем, одурачили мы Ваню. Эффект был поразительный. В 13-00 мы вместе с другими аспирантами подошли к этому же окну и слушали, как Ваня вдохновенно, подробно (многие детали сам добавил) рассказывал о происшествии с башней.

В 13-00, конечно, никакого правительственного сообщения не было. Ваня понял, что его надули. Сначала был разъярен, а потом хохотал вместе с нами.

На примере этого случая видно, что внушить можно все, что угодно. А некоторые психологи доказывают, (и, как видно, не без основания), что не только что угодно, но и кому угодно, т.е. практически любому человеку.

Любовное послание

Английский язык в аспирантуре мы изучали очень серьезно. В группе было 6 человек. Ходили на занятия, как правило, 4-5, а иногда и меньше. Бывало, что приходили только двое, а нередко и один. Этим одним несколько раз был я. Заниматься с преподавателем подряд 4 часа одному трудновато, да и неинтересно.

Стою как-то у двери аудитории, думаю: «Черт возьми, опять один!» Вдруг вижу, мимо меня по коридору быстрым шагом идет, почти бежит Ваня Черняев.

– Ваня, привет, ты куда? У нас же сейчас английский!

– В Минсельхоз. Меня ждут, обещали дать отличный материал, он мне очень нужен.

– Ваня, ты с ума сошел! Ольга Леонардовна («англичанка») сказала, что напишет докладную ректору, ведь ты пропускаешь уже четвертое занятие.

– Старик, что же делать-то? Объясни ей что-нибудь, наври.
– Да я и так заврался, уже не знаю, что и врать!
– Что же делать-то? Не идти в Минсельхоз я не могу.
– А знаешь, Ваня, напиши ты ей письмо, по-английски. Ей понравится, она тебе все простит.

– Отличная идея! Только писать-то времени нет. Слушай, напиши ты за меня.

– Да нет, Ваня, пиши сам.

– Умоляю, напиши, я же опаздываю! С меня бутылка.

– Ладно, хрен с тобой, напишу!

– Ну, спасибо, выручил ты меня!

Минут через пять приходит Ольга Леонардовна и интересуется, где же другие аспиранты. Я рассказываю версию отсутствия каждого. Никакого письма я, конечно не писал, да и времени на это не было. «Ну что же, – говорит англичанка, – будем работать вдвоем с вами».

Вечером Ваня спрашивает меня, как, дескать, дела-то с письмом, как англичанка его восприняла? Я помолчал, сделал очень печальное лицо и говорю, что все очень плохо.

– Что плохого-то?

– Понимаешь, она сказала, что ты хам и что она это издевательство просто так не оставит и письмо передаст ректору.

– А что ты написал-то?

– Да я, вроде, написал все правильно. Объяснил, почему ты отсутствуешь, выразил сожаление, в конце – «Люблю, целую. Ваш Ваня Черняев».

– Да ты обалдел что ли? Что же ты, гад, сделал?

– Ваня, я думал, так лучше. Женщина все-таки. Еще и не старая. Даже не мог представить, что так возмутится. Да, еще чуть не забыл тебе сказать, что в правом верхнем углу я написал: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», по-английски, конечно. Все-таки Академия-то у нас партийная. Посчитал, что так правильнее.

– Что же ты, засранец, сделал! Убить тебя мало! А что же мне-то теперь делать?

– Да не волнуйся, на следующем занятии это дело как-нибудь уладим.

Ваня был разъярен и еле сдерживался, чтобы не дать мне затрещину. Я же еле сдерживался, чтобы не захохотать. С этим и расстались.

Но история, как оказалось, не закончилась. Ваня с трудом разыскал номер телефона Ольги Леонардовны и позвонил ей домой. Стал объяснять ей ситуацию насчет своего хамского письма. Подробно пытался рассказать о причине написания злосчастного пролетарского лозунга и искренне извинялся за фривольное изъяснение любви в конце письма.

Англичанка, естественно, ничего не поняла из его сбивчивой и взволнованной речи. Сказала ему: «Иван Федорович, вы, очевидно, плохо себя чувствуете. Извините, давайте отложим разговор на завтра». И положила трубку.

Ваня провел очень тревожную ночь. Утром я ему, не зная, что он говорил по телефону с Ольгой Леонардовной, рассказал всю правду. Вот тут-то он меня, действительно, чуть не убил. В результате нахохотались вдоволь.

БАЙКИ*

Олег Иванович

В 1959-1960 гг. в нашей компании молодых ребят, окончивших институт и приехавших работать в город Мирный, появился симпатичный парень Олег. Он был медик, приехал работать в городскую поликлинику. Вместе с нами проводил праздники, дни рождения. Идем как-то по улице компанией человек в пять парней. Навстречу девушки. Мы здороваемся, нам отвечают: «Привет, Коля! Здравствуй, Игорь! Здравствуй, Паша!» И вдруг: «Здравствуйте, Олег Иванович!», «Добрый день, Олег Иванович!» И при этом уважительно наклоняют голову.

Олег на наши вопросительные взгляды отвечает: «Гинеколог я. Понятно?» Отвечаем: «Конечно, понятно».

Мутная вода

Освоение алмазной трубки «Айхал» начиналось с пустого места. Жили мы в обычных палатках. Это на морозе-то под 60 градусов! Обогревались железными печками, сделанными из бочек из-под горючего. Топить их нужно было, не переставая. В каждой палатке жило по несколько человек холостяков или 2-3 семьи. В больших палатках – до 20 человек. Семейных палаток было, кажется, всего две. Незамужних женщин в начальный период не было вовсе. Когда я, как начальник участка, распорядился дать отдельную четырехместную палатку семье рабочего Афанасия Веревкина, у которого было несколько детей, это было воспринято большинством как неоправданная роскошь.

Вода к палаткам доставлялась автомашиной-водовозкой и наливалась в такие же бочки из-под горючего, только тщательно очищенные. Мы, немногочисленное руководство, жили тогда все вместе в 20-местной, так называемой генеральской палатке.

* Байка – побасенка, сказка. Здесь же в основе – правда, но добавлено чуть-чуть выдумки.

Валентин Ильич Васильев, первый директор рудника, был долгое время в Мирном, отбиваясь всеми силами от горкома партии, который принуждал его перейти на работу председателем горисполкома. Всеми делами руководил Иван Панцовьевич Колотилов, главный инженер рудника. Было ему тогда около 60 лет и для нас, молодых, он был глубокий старик. Запомнилось, что у него было очень крепкое мужское рукопожатие и слабое зрение: он носил очки с очень толстыми стеклами. Зрение его нередко подводило.

Все лето 1961 года у нас была очень мутная вода в бочке. У всех палаток – кристально чистая, а у нас просто грязная. Ругали мы водовоза, а он клялся, что наливает воду для всех из одной и той же цистерны.

Выливали воду из бочки, мыли ее, а завтра снова в бочке была мутная вода. И так было месяца два.

Секрет раскрылся случайно. Оказалось, что в этой бочке каждое утро, часов в шесть мыл резиновые сапоги главный инженер. Приходил он домой, вернее, приезжал верхом на низкорослой якутской лошадке поздно вечером. Сапоги мыть у него уже не было сил. Он оставлял их, залепленные грязью, у входа, пил чай и мгновенно засыпал. Утром вставал раньше всех, завтракал, надевал грязные сапоги, подходил к бочке с водой и с легкой оттяжкой ноги назад, с разгону плюхал ногу в сапоге в бочку. Мыл тщательно сапог, потом то же самое, видимо, делал с другим сапогом.

Увидел это случайно Миша Бутенко, заместитель директора рудника, бывший первый секретарь Мирнинского горкома ВЛКСМ, здоровенный, крепкий мужик, штангист. Он в это утро случайно встал чуть раньше главного инженера. От его дикого вопля проснулась вся палатка. Сообща, все вместе мы еле-еле отбили старика. Миша готов был его разорвать. И была на это веская причина: все лето он маялся животом и ничего не мог поделать, никакие лекарства не помогали. А тут ему вдруг сразу все стало ясно и понятно.

Когда успокоились, выяснилось, что Колотилов проделывал эту операцию с сапогами ежедневно, считая, что бочка с водой именно для этого и предназначена. Потом он сам удивлялся, как мы ухитрились не заболеть серьезно, ведь часто пили эту воду некипяченую.

Оформление отгула

В 1961 г. на строительстве фабрики в Айхале работало несколько бригад. Одну из них возглавлял Семочкин. Бригадир он был неплохой. В деле разбирался, легко читал строительные чертежи, владел всеми специальностями, которые требовались бригаде. Рабочие его слушались. Был он мощной комплекции и большой физической силы. Любил выпить и нередко бывал под хмельком, но, кроме легкого запаха спиртного, других признаков потребления алкоголя заметно не было. Была у него одна особенность, которая выявилась примерно через месяц после нашего знакомства. Как-то он явился на работу утром к положенному часу, встал передо мной (я тогда работал начальником участка) и стал мычать, вертеть головой, показывая глазами на нагрудный карман. Был он здорово пьян, понять, что он хочет, было невозможно. Хотел я было уйти от него, решив, что разбираться с ним буду, когда он протрезвеет. Но Семочкин уйти мне не дает, загораживая дорогу. И мычать стал как-то жалобно с заискивающими нотками. Ну, прямо какой-то глухонемой.

Ситуацию разъяснил рабочий его бригады, знавший его не один год. Возьмите, говорит, у него заявление, оно лежит в кармане. Взял я эту бумагу, что торчала из нагрудного кармана. Действительно, это было заявление с просьбой предоставления отгула. Оказалось, что у Семочкина это была форма выхода из сложного положения, в которое он попадал по причине пьянства. Заявление писал заранее, когда предполагал, что выпьет больше литра (водки или самогона). Себя он знал: речь в это время у него пропадала, а руки его не слушались, не могли держать мелкие предметы. Кроме того первого случая он еще два раза повторял такой же «фокус».

Что такое невезение

Одно время очень недолго мне подчинялся только что созданный лесоучасток. Начальником его был симпатичный толковый мужчина лет сорока. Хороший организатор и, что бывает нечасто, практически непьющий. Прошел всю войну в пехоте, бывал, как он рассказывал, в таких переделках, что от роты в сто бойцов через несколько дней оставалось в строю пять-шесть человек. Постоянно подчеркивал, что ему очень здорово повезло. Во-первых, остался жив в такой мясорубке, и, во-вторых, – за всю войну всего одно легкое ранение: осколок попал в кисть левой руки, перебив кости, сухожилия, сосуды. Хирурги сохранили ему три пальца: большой, указательный и средний, которые навсегда остались полусогнуты.левой рукой он мог кое-что делать: носить портфель, сумку, держать спичечный коробок, бутылку. В общем, рука у него была в рабочем состоянии, а кто не знал, даже и не замечал, что у него нет двух пальцев.

На Айхале в то время было что-то вроде сухого закона. Чтобы алкоголь не отвлекал коллектив от главной задачи – пуска в эксплуатацию алмазодобывающей фабрики, спиртные напитки в магазине не продавались. И вот как-то приятели из Мирного переслали ему с вертолетчиками ко дню рождения бутылку хорошего вина. Василий Петрович (назовем его так) не дотерпел до вечера и решил выпить стаканчик вина в обеденный перерыв.

Штопора под рукой не было и он решил выбить пробку ударом руки, что в то время, в общем-то, было обычным делом. Бутылку за горлышко взял левой рукой, ладонью правой – сильно ударил по дну бутылки. Пробка даже не шевельнулась. Ударил второй раз – результат тот же. Третий раз бил уже с ожесточением. Но произошло невероятное: после второго удара образовалась круговая трещина и за долю секунды перед третьим ударом дно бутылки отвалилось и удар пришелся уже не по дну, а по острому, как бритва, стеклу.

Результат был ужасен. Хорошо еще, что успели быстро оказать первую помощь и сразу же отправили его к врачу. Он старался, но чуда не получилось: кисть правой руки у Василия Петровича навсегда осталась зажатой в кулак.

Тщеславие

Дело было на Айхале, в местечке, затерянном в бескрайной сибирской тайге. Шел 1961 год. Трест «Якуталмаз» ускоренными темпами осваивал недавно открытое богатейшее месторождение алмазов. Одновременно строились временный поселок из деревянных сборных домов, дороги, аэропорт, склады, автобаза, пятикилометровый водовод и многие другие объекты. Главным среди них, была, конечно, фабрика по извлечению алмазов из кимберлитов.

Начальником участка промышленного строительства был молодой парень, два года назад окончивший московский институт. Сам себя он молодым не считал и был уверен, что в его 24 года можно было бы достичь и большего. 12 апреля, когда он, работая еще на строительстве гражданских объектов, принимал от геодезистов вынесенную на местность ось главной улицы поселка, названной именем Патриса Лумумбы, все радиостанции Советского Союза сообщили о первом в истории земли космическом полете Юрия Гагарина. Володя был восхищен его подвигом. Но кроме восхищения была и легкая зависть: Гагарину ведь было всего 26 лет, а он уже стал известен всему миру.

Да что Гагарин – это ведь в конце концов единичный случай. Но вокруг Володи было немало людей его возраста, которые прославили себя, добившись многого. Взять того же Володю Щукина, открывшего огромную алмазную трубку «Удачная», или Женю Черного, открывшего айхальское месторождение алмазов. А Елагина и Хабардин, первооткрыватели трубки «Мир»? Они навечно вписали свои имена в историю страны. «Лет им было тогда столько же, сколько мне сейчас», – думал Володя.

Примеры из недавней нашей истории еще больше расстраивали его. Война, конечно, дело особое, это не мирная жизнь, но тем не менее, он знал не только из книг и газет, а и лично был знаком с людьми, в его возрасте командовавшими полками. Что уж говорить о гражданской войне? Всем известен пример Аркадия Гайдара, командира полка в 16 лет.

Отец и дед Володи погибли в 25-26 лет. Один – под Нарвой, защищая Петроград от немцев в 1918 году, другой – в 1943-м под Орлом, тоже в войне с немцами. Да, жить надо торопиться, надо сделать что-то весомое, значительное, серьезное, полезное стране, чтобы тебя знали и помнили. Работал он много, фактически за вычетом часов, отданных сну, все остальное время посвящал работе. Стояла задача успеть до страшных якутских морозов запустить хотя бы по временной схеме алмазную фабрику.

Вроде бы все получалось: с трудом, но успевали. Уже было смонтировано технологическое оборудование, началось его опробование под нагрузкой. Напряжение в работе немного уменьшилось. Володе нравилось наблюдать, как огромные глыбы кимберлита, пройдя все стадии обогащения, постепенно уменьшаясь в размерах, превращаются в концентрат, который непрерывной струей сыпался из сушильной печи. Еще приятней было подставить ладонь под эту теплую струю и почти каждую секунду извлекать по алмазу и перекладывать их в свободную руку. Набрав так полную горсть драгоценных камней, бросал их в общую кучу концентрата. Это был очень короткий период, когда не существовало охраны, четко поставленной на всех фабриках треста.

Шел он как-то по территории фабрики, не имевшей еще ни стен, ни крыши, и совершенно случайно в отработанной породе заметил камень желто-зеленого цвета размером с голубиное яйцо, похожий на алмаз. Камень почти ничем не отличался от пустой породы. Как он его разглядел – потом и сам удивлялся. Володя к тому времени знал об алмазах уже немало. То, что алмазы бывают самого разного цвета от прозрачного до

черного, ему было хорошо известно. Повертел камень в руках, очистил его от грязи, прикинул вес – ого, да он не меньше ста карат. Если это алмаз, то очень крупный, а крупным алмазам начиная с пятнадцати карат дают собственные имена. «Отлично! Дам ему свое имя. Будет называться «Пономарев».

Голова пошла кругом. Вот она, слава – неожиданная и негаданная. Но все-таки надо убедиться, что это действительно алмаз. Может зря радуюсь. Бывает же, что попадаются в породе стекловидные тела, похожие на алмазы. Плюнул на камень, тщательно протер его носовым платком. Нет, это все-таки алмаз. Да что это я впустую теряю время, есть же в конце концов специалисты, они точно знают, что это такое. «Житов!» – заорал так, что не узнал своего голоса.

Житов, техрук фабрики, находился метрах в тридцати в маленьком деревянном домике, временно заменяющем контору, но вопль Володи услышал. Поняв, что произошло что-то необычное, бросился к нему. У Володи перехватило глотку, говорить он не мог. Показал Житову алмаз на ладони. Житов остолбенел. Уж он-то прекрасно понимал ценность этой находки. Схватил алмаз и молча по прямой, через кучи гравия ринулся в свою контору, Володя – за ним.

Так же молча Житов опустил алмаз в жидкость, которая была в стеклянной колбе с плотно притертой крышкой. Володя понимал, что это – смесь соляной и серной кислоты, иначе – «царская водка», которая могла растворить что угодно. Неподвластны ей были, наверное, только алмаз, да стекло. Житов хотел отмыть камень от соляных разводов, которые покрывали его поверхность и не давали возможности полюбоваться им.

Дальше произошло неожиданное – буквально через несколько секунд камень распался на множество мелких осколков, которые невысокой горочкой лежали на дне колбы и излучали чистый зеленоватый свет. Техрук тонкой деревянной палочкой, мгновенно почерневшей, помешал в колбе кислоту,

промывая камушки, которые продолжали распадаться на более мелкие.

Володя тряхнул головой, закрыл и открыл глаза и уже не мигая смотрел на то, что несколько секунд назад было огромным алмазом. А Житов, все сразу поняв, уже без волнения, спокойным голосом разъяснял: «Этот алмаз образовался может быть тысячи, а может быть и миллионы лет назад. Затем, видимо, в земной коре случились какие-то перемещения. Алмаз, зажатый в кимберлите, под огромной нагрузкой весь покрылся трещинами, фактически был раздавлен. Трещины заполнились за многие годы растворами солей, как клеем соединив осколки. Ты не расстраивайся, алмаз-то был когда-то именно таким, каким ты его нашел».

Володя похлопал Житова по плечу, дескать все ясно и не надо меня успокаивать. Вышел из конторки и направился заниматься своими делами, которых всегда было невпроворот. На следующий день, вспоминая об алмазе и глядя на всю эту историю как бы со стороны, смеялся над собой: «Вот дурачок, захотел назвать алмаз «Пономарев»! Во-первых, дали бы название ему и без тебя, а, во-вторых, да нужно ли тебе это, Володя?»

Рассыпавшийся алмаз как бы отрезвил его, успокоил. Пропало постоянное, угнетавшее его недовольство собой, что проходят дни, месяцы, годы, а он так непростительно мало добивается в жизни. Закончилась внутренняя гонка, непрерывное сравнение того, что сделано, с тем, что мог бы сделать.

Изменения в нем заметили и сослуживцы: «Владимир Иванович, ты какой-то солидный стал». Володя только добродушно отшучивался: «Чего болтаете-то, какой был, такой и остался». Но сам-то он знал, что был он другим и таким, каким был, больше не будет. Десятилетия спустя, когда прочитал книги Дейла Карнеги, он понял, что самостоятельно пришел к решению, которое советовал этот мудрый американец. Он, Владимир Иванович Пономарев, перестал беспокоиться и начал жить. Просто жить.

Фронтвик

Нашими соседями в Айхале была семья Гречко. Жена работала диспетчером на автобазе, а муж, Николай – на карьере трубки бульдозеристом. Был он человеком веселым и жизнерадостным, каким-то солнечным улыбка не сходила с его лица. Мы ни разу не видели его хмурым и озабоченным. Как и у всех, у него, конечно, тоже были неприятности, но он относился к ним как-то непочтительно, старался их просто не замечать. Работал великолепно, считался виртуозом, машину чувствовал, как свои руки и ноги, вытворял на бульдозере такое, что мы только ахали восхищенно. А он объяснял, что удивительного ничего нет, так как на фронте он был танкистом – механиком-водителем. В 1961г., когда мы с ним познакомились, ему не было и сорока лет.

Когда один из рабочих, оформлявшийся к нам на стройку, заявил в беседе со мной, что он друг Николая Гречко, более того, что они вместе воевали, я был счастлив за Николая. Ну, на самом деле, встретить в бескрайней Сибири, у черта на куличиках фронтвого друга – это редкое везение. Николай никогда не злоупотреблял выпивкой, но по случаю встречи друга – святое дело, гулял с ним несколько дней. Гулял, естественно, вечером, а утром – на работу. И вот в один из таких дней случилось страшное – спускаясь по серпантину карьерной дороги на бульдозере, он почему-то отклонился влево, бульдозер перевернулся и, кувыряясь, падал до самой нижней отметки. А глубина карьера была тогда уже метров 30-40, не меньше. Замер он в положении гусеницами кверху со смятой кабиной, в которой, проткнутый рычагами, погиб Николай. Тяжело мы переживали его смерть.

На второй день после его похорон явился ко мне в контору его фронтвой друг, протянул мне заявление с просьбой оплатить ему по средней сдельной три рабочих дня за участие в похоронах Николая Гречко. Глядя в мои вытарашенные от изумления глаза, четко пояснил, что это положено, есть такое постановление правительства.

На углу заявления я написал: «Бух. Оплатить по тарифу плотника пятого разряда». Расписался, поставил дату. Потом подумал, а как платить-то? Он ведь ни дня еще не работал. Бухгалтерия не пропустит. Не имеет права. Посмотрел в стальные глаза стоявшего рядом с моим столом фронтовика, друга Николая, и поставил рядом вторую подпись.

Чрезвычайная ситуация

Был в г. Мирном в 60-е годы среди строительного начальства среднего звена немного чудаковатый добрый человек. Роста небольшого, сантиметров 160, но веса немало – килограммов под 140. В талии обхватить его можно было только вдвоем. Любил он хорошо поест, да и выпить был не дурак.

Как-то летом шел он из гостей домой во втором часу ночи и поев, и выпив, как говорится, под завязку. Город в то время был весь перекопан. Сооружали канализацию, и посреди улиц были траншеи глубиной до 3 метров, да и вынутый грунт по бокам создавал дополнительную высоту. Кое-где были мостки через них, а некоторые жители для экономии времени клали поперек доску потолще в районе своего дома и по ней перебирались через траншеи, слегка балансируя руками.

Наш герой, обычно смелостью не отличавшийся, принял вдруг мужественное решение форсировать препятствие по доске. Дошел до середины, доска дала невероятный прогиб, и он сорвался с нее. Упал больно, но ничего не сломал. Самостоятельно выбраться не мог и стал звать на помощь. Была глубокая ночь, хоть и по-северному светлая, но все же ночь. На улице никого не было. Ему здорово повезло, что случайно невдалеке оказалась какая-то женщина и услышала его вопли. По его просьбе она вызвала пожарных. И вот от них-то мы и узнали, как все происходило в дальнейшем.

Вот что рассказал начальник пожарной охраны. «Ночью прибежала к нам встревоженная женщина, кричит, что какой-то человек упал в траншею и его надо спасать. Я в дежурке оказался случайно: инспектировал подразделение и даже

обрадовался, что можно проверить бойцов в деле. Даю команду расчету спасать гражданина. Поехал с ними. Добрались быстро. Один из бойцов на страховке спустился в траншею и тут же вылез обратно. Не могу, говорит, ничего сделать, он весь в дерьме, взяться даже не за что.

Подошел поближе и я. Запах, действительно, крепкий. Все говорило о том, что гражданин обделался еще в воздухе, видимо, от страха, а от удара о дно траншеи возник эффект разорвавшейся бомбы, начиненной ...понятно чем. Но спасать-то надо. А никто не хочет. Принимаю решение: раскатать пожарный рукав и обмыть гражданина водой.

Опять трудность: напор воды большой, человека искалечить можно, если стоять близко, а издалека поливать – не видно его, струей не попадаешь. В общем, повернулись мои орлы с этими шлангами и решили мыть бедолагу с помощью ведер. Поливали на него прямо сверху. Как смогли, отмыли, обвязали его веревкой и подняли наверх. Трудно было, но спасли все же человека».

Нечистая сила

В начале 60-х годов горком КПСС и горисполком размещались вместе в деревянном двухэтажном доме, перед которым была небольшая площадка с доской почета и клумбой. Надо сказать, что клумба была нашей общей гордостью. Озеленения в городе в то время практически не было, и многие горожане с удовольствием приходили полюбоваться на островок красоты, засаженный самыми разными цветами. Идя на работу, мы задерживались у клумбы, чтобы переброситься парой слов, покурить, похвалить тех, кто создал такое великолепие.

Но вдруг стали замечать, что цветов становится меньше. Не иначе, кто-то рвет их. Днем это сделать нельзя – заметили и нашли бы нарушителя. Значит – ночью, значит – преступник серьезный. Надо что-то делать.

Проблему взялся решить заведующий коммунальным отделом Мышаев. Это был высокий и крепкий мужчина,

футбольный болельщик, спартаковец. Ночи напролет мог слушать по радио репортажи об игре любимой команды. Увлекающийся был человек. Имел он одну феноменальную особенность, которая восхищала всех, кто о ней узнавал. В то время в Мирном было два палаточных городка (нижний и верхний), в которых проживало несколько сотен человек. Палатки и балки были пронумерованы. Велся строгий учет жильцов этих временных строений. Мышаев же без всяких записей знал не только фамилии всех проживающих, но и массу других сведений о них: когда приехали в город, к кому, где работают (или не работают вовсе), есть ли дети, их возраст и т.д. Эти сведения ему очень помогали в работе. Они особенно ценны были при выделении людям квартир при одновременном сносе их временного жилья.

Пару дней он наблюдал за ситуацией и пришел к поразительному выводу: цветы ворует какое-то копытное существо. И спорить с этим нет смысла, ведь следы-то видны. Но кто это может сделать? В городе копытных животных, кроме одной коровы, которую держали на самой окраине, не было и нет. Уж Мышаев-то знал это точно.

Впору рассуждать, как в сказке Ершова: «Кто-то в поле стал ходить и пшеницу шевелить». Думать о какой-то нечистой силе не могли, конечно, но загадка была интересная.

Мышаев принимает решение устроить ночную засаду. В первую же ночь он обнаружил врага – это была коза. Поймать ее не удалось, уж больно быстро она бежала. Очень сожалел Мышаев, что не поймал ее и не наказал хозяев козы. Все были уверены, что коза больше не придет, поэтому на следующую ночь засады не было.

Но коза пришла снова и, видно, мстя за испуг в прошлую ночь, выкосила чуть ли не половину клумбы. Мышаев принимает решение довести дело до победы, чего бы это ни стоило. Опять ночная засада, и опять коза сумела умчаться.

Мышаев понял свою ошибку. Место его засады было на втором этаже в его кабинете, и когда он обнаруживал это

пакостное животное, то как бы тихо он ни крался, деревянная лестница обязательно скрипнет, предупреждая козу об опасности.

В последнюю победную ночь Мышаев дежурил внизу. До этого мысленно отработал стартовый рывок, заготовил веревку. Коза была поймана. Дня три она сидела в сарайчике рядом с исполкомом. Блеяла на весь квартал. Хозяин ее не нашелся. Потом о ней на некоторое время забыли. А когда вспомнили, то не стали особенно интересоваться, куда она делась. Предполагали, что она стала законной добычей Мышаева, доставшейся ему в честном поединке.

А у нас председатель ...бай

Анатолий Сергеевич Белов был великолепный рассказчик. Особенно удавались ему анекдоты. Были у него и постоянные слушатели. Один из них – председатель Мирнинского горисполкома в то время (1963-1964 гг.) – здоровый, крепкий мужчина, на две головы выше Белова, работавшего заведующим отделом горкома КПСС. Как правило, утром перед работой он заходил в кабинет к председателю и выдавал очередной анекдот. Оба были довольны друг другом. Председатель от души нахохочется с утра, что способствовало хорошему настроению, а Белову было приятно иметь благодарного слушателя.

Все у них так хорошо бы и шло, если бы не стечение нескольких обстоятельств. Как-то приезжее высокое начальство очень сильно покритиковало председателя на узком совещании. «Покритиковало» – это мягко сказано. Исполкомовские работники, обсуждая между собой это событие, говорили, что председателю арбуз вставили, прекрасно понимая смысл этого выражения. Очень переживал по этому поводу председатель.

А утром, как обычно, к нему явился Белов. Покурили, Белов рассказал очередной анекдот. Но вместо уже привычного хохота председатель вдруг побледнел, схватил стул и кинул его в Белова, а потом рванулся к нему, желая дать хорошего тумака, но Белов чудом увернулся, пулей понесся в свой кабинет и

успел запереть дверь перед самым носом преследующего его председателя. Так вот и спасся. Председатель подергал ручку двери, потолкал дверь плечом и потихоньку остыл.

Что-нибудь через час успокоившийся Белов рассказал этот взрывоопасный анекдот: «Течет река. На одном берегу стоят мужики справные, в сапогах начищенных, в рубашках чистых, бритые, трезвые. А на другом берегу рвань какая-то: в лаптях, в драной одежде, заросшие, да еще и с похмелья. Справные мужики кричат на тот берег:

– Эй, мужики!

– Чаво надо-то?

– Чаво, чаво, спросить хотим. Чавой-то вы такие хреновский?

А те отвечают чуть ли не хором:

– А у нас председатель р...бай!

Оказывается, анекдоты о начальстве опасны всегда, а не только в период культа личности Сталина.

Начало карьеры

Мирный, конец 50-х годов. Колобов, горный инженер с Урала, ждал назначения. Приехал он по направлению в распоряжение треста «Якуталмаз» на должность директора прииска. Окончательное решение о его работе должен был принять председатель совнархоза, которого ждали со дня на день. Дело было обычное: председатель хотел увидеть новых работников, познакомиться с ними, дать напутствие и подписать приказ о назначении.

Ну, а пока он ехал, каждый из назначенцев занимал себя как мог. Колобов решил сходить в ресторан. Это заведение днем было обычной столовой, а вечером становилось как бы рестораном, хотя мало что в нем изменялось. Самое главное – не менялась публика: и днем, и вечером она была та же. В основном это были рабочие, которые и переодеться-то не считали нужным: в какой одежде работали днем, в такой и являлись вечером в «ресторан».

Колобов был в одиночестве и попал за столик с тремя рабочими, которых сразу же стал воспитывать, обучая их правильному поведению за столом. Характер у Колобова был задиристый. Стопка водки вообще делала его человеком отчаянной храбрости. А это был как раз такой случай, что свой допинг (грамм 150) Колобов принял еще до ресторана и поэтому был готов, если надо, схватиться с тремя противниками.

Официанты принесли всем четверым их заказ. Колобову бы ужинать и помалкивать. Но это противоречило его натуре бойца. Ему было ясно и понятно и в этом он убеждался с каждой новой рюмкой, что сидящие за столом рабочие (а что это рабочие, он не сомневался) очень непочтительно к нему относятся, ну просто без всякого уважения. А он ведь директор. Но они это не знают, поэтому и хамят.

И он отважно решил довести урок воспитания до конца. Спросил строго: «Ребята, где вы работаете?» Ответ: «На приiske «Ирелях» решал для Колобова все сегодняшние моральные проблемы. «Я ваш директор, завтра я с вами разберусь». В ответ был дикий хохот. И рабочих можно было понять: уж очень не директорский вид был у Колобова – маленький росточек и круглое веснушчатое лицо деревенского парня. Прямо сказать, плюгавенький вид, не начальственный.

Такого откровенного хамства Колобов перенести не мог. Своим маленьким кулачком он нанес удар по физиономии ближайшего насмешника. В ответ тут же получил могучий удар здоровенным кулаком прямо в глаз. Началась потасовка, которую разняли довольно быстро с помощью милиции.

О происшествии сообщили руководству треста и прилетевший председатель совнархоза сразу же узнал об этом. У Колобова вокруг глаза образовалось черное кольцо. Знакомые нашли ему черные очки, немного, правда, великоватые. Так он и явился к начальству. «Анатолий, сними-ка очки, – сказал председатель, – да, хорош. Ну, что ж, отправляю тебя на работу мастером на карьер 3-ей фабрики. Организуешь выемку грунта до проектных отметок под фундаменты. Все, иди».

Вот так начиналась карьера Колобова в алмазном крае.

Билет во спасение

Возвращаюсь с женой с дачи. На платформе «83-й км» (рядом со станцией Бужаниново) купили билеты до Москвы, но жена вдруг в последний момент решила не ехать. Вошел в вагон один. Минут через пять – проверка билетов.

Напротив меня сидит женщина, по моей классификации – типичная молочница: невысокая, крепкая, краснощекая, легко представляемая с двумя здоровенными бидонами молока в руках. Билета у нее не оказалось.

Два контролера после довольно долгих и шумных препирательств с криками и оскорблениями стали было тянуть ее к выходу. И тут я вдруг вспомнил, что у меня же есть еще один билет. Достаю его и протягиваю этой женщине. Контролеры возмутились так, как будто я отнимаю у них, голодающих, последний кусок хлеба. Женщина же просияла: «Спасена!» Контролеры, угрожающе ворча, все же ушли.

Женщина села на место. Молчит. А я думаю, что же она будет делать дальше? Прогнозирую варианты реакции на свой благородный поступок:

- а) скажет прочувственно: «Спасибо!»;
- б) заплатит деньги за билет(43 коп.). Думаю: «Не возьму!»;
- в) угостит чем-нибудь (в сумках у нее, видел, лежат яблоки). Соображаю про себя, что от яблок не откажусь.

Инцидент завершился по непредвиденному варианту. Перед выходом в Москве спасенная мной недавняя жертва контролеров достала из кармана этот билет и отдала его мне со словами: «Возьмите его, он мне не нужен.» Моя реакция – оцепенение и потеря речи.

Горе

Дело было в г. Мирном в середине 60-х годов. Иду с работы домой. А жили мы в деревянном двухэтажном доме на втором этаже. На одной площадке с нами была квартира моей сослуживицы Ани, молодой женщины лет тридцати пяти. Вхожу в подъезд, и сразу в уши ударяет звук коллективного рыдания. Быстро вбегаю на площадку второго этажа. Дверь в квартиру соседки открыта настежь. Вижу страшную картину: Аня ходит по комнате, зажав голову руками и плача навзрыд. Ее четверо детей в возрасте от 5 до 15 лет лежат на двух кроватях в одежде поверх покрывал, кто вдоль, кто поперек и все, буквально все рыдают. Мужа нет. Ну, думаю, с ним случилось самое страшное, очевидно, погиб. А был он водителем грузовика.

Горе, свидетелем которого я стал, напомнило мне годы войны, когда с фронта приходили в тыл «похоронки». Реакция на них была одинаковая: сначала душераздирающий крик сраженных горем людей и затем долгие рыдания родных и знакомых погибшего. Ну, думаю, ситуация аналогичная: соседи получили извещение о несчастье.

Догадки догадками, но все-таки пытаюсь выяснить у Ани что-нибудь конкретное. Она говорить не может, только машет руками, дескать, что теперь говорить-то. Спрашиваю детей, они толком тоже ничего сказать не могут, только повторяют: «Машина, машина!» Наконец, взяв за плечи соседку и слегка встряхнув ее, на вопрос, что случилось и чем могу помочь, получаю ответ, что случилось ужасное – на их новую автомашину «Волгу», купленную неделю назад, наехал самосвал. Спрашиваю: «А что с мужем?» «Да ничего, он в командировке.»

После этого суть дела выяснилась сразу: автомашина стояла во дворе, сосед по дому, разворачиваясь на самосвале при движении назад, задел ее бампер. Я с трудом нашел на нем еле заметную вмятину. Пришлось в очередной раз убедиться, что все в мире относительно.

Тост

Защитил докторскую диссертацию мой приятель. Банкет устраивать не стал, а решил отметить это событие скромно, в кругу семьи. Приглашенных было всего трое, в том числе и я. Главным гостем был довольно известный ученый, выступавший на защите как официальный оппонент. Звали его Александр Аркадьевич.

Семья у моего приятеля на две трети состояла из женщин. Мужчин было трое: глава семейства и два зятя, а женщин – шестеро: жена, две дочери, три внучки в возрасте от 5 до 10 лет. Зятя к тому же в тот вечер отсутствовали.

Как водится, гости говорили тосты. Разные: и умные, и не очень. Александр Аркадьевич пил коньяк маленькими рюмочками, закусывал, активно участвовал в беседе, но тосты не произносил. И вдруг поднялся из-за стола, одернул пиджак, приосанился и заявил, что хочет сказать тост.

Жена приятеля проявила необычайную активность. Стала громко кричать: «Дети, дети! Александр Аркадьевич хочет сказать тост, идите скорее сюда!» Быстро принесли маленькие стульчики и усадили на них внучек, а дочери заняли свои места за столом. Всей женской компании велено было замолчать и внимательно слушать.

Дочери подперли головы руками и устались буквально в рот Александру Аркадьевичу, малышня же затихла и, слушаясь бабушку, напряглась так, как будто им вот-вот начнут показывать новую серию «Ну, погоди!» Сама бабушка, наведя порядок, «ела» глазами главного гостя. Мы, мужчины, подчиняясь общему настрою, тоже как-то подсобрались в ожидании чего-то необычного.

Александр Аркадьевич не стал долго готовиться. Скромно, по-деловому поднял рюмку, охлаждая страсти покачиванием ладони, как обычно это делают бывалые ораторы, успокаивая аудиторию и как бы говоря: «Не нужно аплодисментов!» и, обведя глазами всю компанию, прочувственно сказал: «Гост мой простой. Кто не с нами, – х-- с ними!»

Думаю, что сцена была посильнее, чем у Гоголя в последнем акте «Ревизора». Мужчины оцепенели, бабушка издала звук, похожий на бляение (он ей заменил положенный в этом случае одобрителный смех), дочери вылетели из-за стола и быстро-быстро эвакуировали в глубь квартиры своих малолетних детей, которые как будто бы ничего и не поняли.

Александр Аркадьевич воспринял суматоху как закономерную реакцию на удачно сказанный тост. С чувством выпил рюмку, взял дольку лимончика и сел закусывать.

РАССКАЗЫ РАЗНЫХ ЛЕТ

Л. Гайдай – «плагиатор»

Действительно, плагиатор. Эпизод из фильма «Иван Васильевич меняет профессию», когда один из героев убегал от стрелцов (играл его Куравлев) и симитировал прыжок с крепостной стены, после чего стрельцы, догоняя его, дружно прыгнули, а он-то прыгать и не собирался – списан у меня.

Давно это было. Исполнилось мне тогда лет 12, не больше. На месте спортивного комплекса в Лужниках было нескончаемое капустное поле, чуть-ли не в середине которого расположен небольшой стадион, по-моему, назывался он «Химик». Имел он одну трибуну для зрителей, окружен был добротным забором, а с северной стороны вместо забора был ряд сараев.

Шел какой-то интересный футбольный матч, и мы, пацаны, в количестве, наверное, не меньше ста человек стояли и сидели на крышах этих сараев. Два милиционера спортивной внешности прохаживались вдоль линии сараев, не давая нам проникнуть на стадион без билета на полупустую трибуну.

Я, пожалуй, был старше всех из ребятни, и это обстоятельство придавало мне смелости, и я бы сказал правильнее, – наглости. Я пустился в громкие рассуждения: «Пацаны! Нас больше ста человек. Их (показываю на милиционеров) – двое. Давайте сделаем так: прыгнем на счет: раз, два, три! Ну, подумаешь, двоих поймают, а остальные-то будут на стадионе!»

Слушатели выразили шумное одобрение моей идее. Все, кроме двух милиционеров. Вижу, они внутренне подсобрались, как бы окаменели и замерли в позиции бегунов на старте. Мы подошли к самому краю крыши сараев. Стояли очень плотно. При счете три спрыгнул один я.

Двое милиционеров рванули ко мне. Я, петляя, вылетел на гаревую дорожку стадиона. Буквально через секунду с сараев спрыгнули все мои «подельники». Один милиционер тут же повернул назад. Кого он там поймал, не знаю.

А наша пара продемонстрировала невиданную скорость. Это потом при вспоминании этого эпизода на память мне пришли стихи М.Ю.Лермонтова, которые я незадолго перед этим выучил в школе: «Гарун бежал быстрее лани, быстрее, чем заяц от орла...» и т. д. Тогда же было не до стихов. Был ужас, голый ужас. Спиной я чувствовал злобу догоняющего меня милиционера. В один момент он было достал меня – ему не хватило всего каких-то сантиметров.

В стремительном беге мы вылетели на 100-метровую дорожку. Наше состязание проходило уже на виду у всего стадиона. Зрители сразу же обратили на нас внимание, и надо сказать, что сочувствие их было явно на моей стороне.

Мои силы и силы моего преследователя были не равны. Превосходство в возрасте давало ему огромное преимущество. Но и у меня был свой плюс. Мы были в разной спортивной форме, он – в сапогах, брюках, гимнастерке с ремнями, а я – в сатиновых шароварах и легчайших тапочках, связанных мне бабкой Ульяной из использованных и отстиранных бинтов, которые приносила моя мать из госпиталя, где она в то время работала.

К середине 100-метровки я опередил милиционера метров на 10, и, видимо, поджилками чувствуя неминуемую расплату, резко рванул по проходу вверх на трибуну. Ряду в пятом или шестом упал на карачки и ползком буквально просквозил до середины трибуны в обратном направлении под ногами зрителей, которые спрятали меня. Для милиционера я исчез, испарился. Вот так и спасся.

В жизни бывало у меня всякое. Сталкивался с несчастьями, видел не раз, как гибли люди. Но вот что интересно: большего ужаса, чем ужас от этой погони, испытать мне, к счастью, не довелось.

Сила хамства

Как-то осенью году так в 1955-м или в 1956-м я с двумя приятелями, студентами МИИТа пошел на стадион «Динамо» посмотреть футбольный матч. Народу было очень много, и порядок устанавливала конная милиция. Многие спрашивали «лишний билетик».

По коридору, образованному всадниками, мы, предъявив билеты, прошли на территорию, окружающую стадион, и двигались вдоль высокого решетчатого забора ко входу на трибуну.

Безбилетники лезли буквально во все щели. Какой-то пацан лет 12-ти пытался пролезть на стадион сквозь забор и уже просунул голову между металлическими прутьями. Конный милиционер заметил это, парнишка задержался, голова его застряла, и милиционер с нескрываемым удовольствием стал отвешивать неудачнику «щелбаны» по стриженной голове, что-то ему приговаривая.

Идем дальше. С наружной стороны забора, держась руками за прутья, стоит парень наших лет и просит дать ему билет с уже оторванным контролем. Спрашиваем: «Зачем?» Отвечает, что, дескать, он скажет контролерам, что вышел ненадолго и возвращается. Говорим ему: «Да кто ж тебя пустит? Все бы так могли». Все же он нас уговорил.

Минут через 10, когда мы уже сидели на своих местах, пришел этот парень. Держа наш билет в руках, потребовал (ПОТРЕБОВАЛ!) освободить его (ЕГО!) место. Мы сначала онемели, а потом, как бы в оцепенении, в каком-то полугипнотическом состоянии пытались ему напомнить, объяснить, что билет-то это наш, что мы его дали ему вот только-что. «Ты что, забыл, что ли? Ты что, обалдел? Ты что, ох---?»

На наше лопотанье был дан четкий, громкий (чтобы все слышали), с напором ответ, что он человек самостоятельный, зарабатывает достаточно, чтобы купить себе билет на футбол и нас он знать не знает. В общем, освободите место.

И мы трое, очень не слабых парня, побежденные его «логикой», подвинулись, и он просидел с нами два тайма, очень активно «болея» (с выкриками, метаниями из стороны в сторону и размахиванием руками). Мы же эти два тайма сидели молча.

И тогда, и сейчас я не могу понять, убедительно объяснить себе, что с нами случилось, почему мы, неплохо умеющие драться, выросшие в атмосфере обид и борьбы за выживание, просто не вышвырнули этого парня. Дело, видимо, в какой-то необыкновенной, особой, непреодолимой силе хамства и коварства.

В последующей жизни подобные случаи у меня раза два-три могли бы повториться, но этот случай, как прививка от чумы, защищал меня. Защищал, можно сказать, по-крупному. А по мелочам бывало всякое.

Женя Евтушенко

В 1967 году я работал заведующим отделом строительства Мирнинского горкома партии. Когда до моего отъезда в г. Москву на учебу оставалось недели две, из обкома сообщили, что в городе числа 22 августа появится Евгений Евтушенко. Он сплавляется вниз по р. Лене из порта Осетрово на карбасе (самодельной плоскодонной лодке) в компании с корреспондентом «Известий», причалит в г. Ленске и на автомашине (это примерно 230 км) приедет на неделю в г. Мирный. Требовалось его встретить, предложить программу ознакомления с районом, сопровождать его и оказывать всяческое содействие.

Первый секретарь горкома вызвал меня и говорит: «Дело это, конечно, идеологов. Но сам знаешь, что Васильев (это заведующий отделом пропаганды) в отпуске, а его заместитель Ваня Тупицын уж больно простоват, да и фамилия у него неподходящая, Евтушенко срифмуется, потом не отмоешься. Делать тебе сейчас все равно нечего, так что давай, поработай с Евтушенко».

Отказаться было невозможно. Кроме того, и самому было интересно узнать, что за человек Евтушенко. Стал готовиться к

встрече. Надо сказать, что поэзия не была моим увлечением. Поэтов знал тех, которых «проходили» в школе. С поэзией Евтушенко был знаком в основном по газетным публикациям. Например, хорошо знал «Балладу о Братской ГЭС», еще кое-что подобное и представление о Евтушенко имел именно на основе этих патриотических произведений. Совершенно не знал его лирику и многие другие работы, в том числе и написанные по результатам командировок в различные страны мира.

Стал усиленно готовиться к встрече, поскольку времени оставалось, как помню, не более двух суток. Узнал с удивлением, что к тому моменту у Евтушенко вышло в свет уже 32 поэтических сборника, а было ему в то время не более 35 лет. Это был, пожалуй, самый издаваемый поэт.

Отношение к нему и властей, и читающей публики было двойственное. Наряду с произведениями, утверждающими и прославляющими советскую власть (в какой-то мере, я бы сказал, апологетическими), были и стихи, направленные против партийных дураков, правящих страной.

И те, и другие (т.е. и власть, и народ) могли как восхищаться, так и быть недовольными стихами Евтушенко. На эти отношения оказывал влияние и его трудный характер, не признающий компромиссов, склонность к экстравагантным поступкам.

Настрой мой на работу с Евтушенко был такой: не дать ему своеволичать, все обслуживание, т.е. гостиница, питание, транспорт и т.п. – без всяких привилегий, т.е. как обычным людям.

Меня ему представили, он предложил звать друг друга по имени и на «ты». Я был не против. Первое впечатление от Жени – это и не поэт вовсе. Некрасивый, интеллекта на лице не написано. Не зная его, встретил бы где-нибудь и внимания бы не обратил: так, какой-то серый мужичок, тощий, нескладный.

Держал я его, действительно, в рамках, которые сам обозначил. Питались мы с ним в столовой, причем, как все мирнинцы, отстояв в очереди, хоть и небольшой. Спецкор.

«Известий» намекал, что хорошо бы нам обедать в какой-нибудь отдельной комнате, а не в общем зале. Но я намека не понял.

Жил Евтушенко вместе со своим спутником в обычном двухместном номере нашей городской гостиницы. Правда, необычных номеров в этой гостинице в то время и не было. В коридоре перед его дверью всегда толкались две-три девицы, поклонницы его таланта. Когда их перестали пускать в гостиницу, они стали ждать появления Евтушенко у выхода.

На второй или на третий день пребывания Е.Е. в городе было намечено его выступление в клубе «Алмаз». Клуб был небольшой, человек на 200-250. Во время выступления Евтушенко он был заполнен до отказа.

Перед выступлением Женя пожелал, как он сам выразился, воодушевиться. Сказал об этом мне. Я, продолжая изображать дурака, спрашиваю, а что это значит? Он говорит: «Да выпить бы неплохо.» Я пригласил горничную, Женя достал из кармана десятку и таким величественным, царским жестом протянул ее со словами: «Любезная, принесите, пожалуйста, две бутылки шампанского. Сдачи не надо».

Как говорится, сообщаю для справки: одна бутылка шампанского стоила тогда 4 руб. 75 коп, т.е. сдачи оставалось ровно 50 копеек.

Горничная довольно быстро принесла шампанское. Женя «воодушевился» одной бутылкой, пригласив и меня выпить с ним бокал. Я отказался и был здесь искренен: шампанское я не любил. А то, что Женя выпил целую бутылку, как-то даже подняло его в моих глазах. В те годы мне легче было выпить бутылку водки, чем бутылку шампанского.

После «воодушевления» Женя как-то притих, задумался, ушел в себя. До клуба шли пешком. Дорогой он молчал.

Алмазники встретили Женю без больших аплодисментов, вроде бы даже настороженно. Но, как только он начал говорить, все изменилось. Его выступление поразило меня. Это был совершенно другой человек. Все свои стихи он знал наизусть.

Сначала читал то, что хотел сам. Читал великолепно: и дикция, и жесты были выверены, артистичны. Подбор стихов был несколько односторонен. Видно, сдержанный прием в Мирном, который я ему устроил, его все же обозлил. Он не привык к такому отношению. Преобладали произведения типа стихотворения о его друге художнике-чукче Вылко, который нарисовал портрет секретаря райкома, сделав его похожим на свинью.

По мере чтения его настрой менялся. Он как бы оттаял, разошелся. Стал читать стихи по просьбам зрителей. Я был покорен его творческим напором, интеллектом, внутренней силой и уверенностью. Это был поэт в полном смысле этого слова. Его фигура стала тверже, массивней, и манерой поведения, и внешним обликом он напоминал Маяковского. Впоследствии, обмениваясь впечатлениями с другими слушателями, я утвердился в этом мнении.

Спустя несколько лет мне довелось слушать больших поэтов, таких, например, как Р.Рождественский, А.Вознесенский. По силе воздействия на аудиторию Евтушенко значительно их превосходил.

По ходу выступления Жени зрители тоже как бы оттаяли и свое отношение к нему и к его творчеству стали выражать все более крепкими аплодисментами (Так и подмывало написать: «бурными и долго несмолкающими аплодисментами», используя всем надоевший газетный штамп). Но именно это словосочетание точнее всего отражало отношение зрителей к поэту.

Была просьба из зала написать стихи об алмазниках. Насколько мне известно, В.Высоцкий на подобные просьбы откликался. Ответ же Е.Евтушенко был такой: «Я не пишу стихов о шахтерах, моряках, алмазниках. Я пишу стихи о людях, а не о профессиях.»

Я был покорен поэтическим даром Евтушенко. Если пытаться философствовать, то следовало бы сказать, что у меня количественные изменения перешли в качественные. Готовясь к

встрече с Е.Е. и во время контактов с ним, я усиленно читал его произведения и, как мне кажется, по достоинству оценил их. Само же его выступление подвело итог формированию моего мнения о нем.

Назавтра я был готов общаться с ним совершенно по-другому, относясь к нему как к человеку неординарному, необычайно талантливому. Но, как говорят, поезд ушел и рельсы разобрали. Я, видно, так надоел Е.Е., что он пожелал ехать на Виллюйскую ГЭС без сопровождающего. Простились мы сдержанно, и больше я его не встречал.

Возможности человека безграничны

Это действительно так. Доказательств тому множество. Приводят примеры, как женщина оттолкнула грузовик, наезжающий на ее ребенка, как люди, спасаясь от смерти, поднимали огромные тяжести и т.д.

Со мной тоже был случай, когда я во время пожара в конторе, где я был начальником и поэтому, как говорится, шкурой чувствовал, чем мне грозит потеря документов, выбросил в окно тяжеленный сейф, выломав им две оконные рамы. Этот сейф четыре мужика еле-еле оттащили от пожара. Но этот случай меня не очень удивил.

А вот другой случай удивляет до сих пор. Дело было в Москве во время учебы в аспирантуре. Заканчивался наш трехгодичный срок обучения. Мы дописывали свои диссертации. В короткие минуты отдыха спускались в подвал поиграть в шахматы и на бильярде или просто покурить и посмотреть, как играют другие.

Спустился как-то и я. В шахматы играло несколько пар, человек десять наблюдали за игрой. На бильярде же не играл никто. Минут через пять появляется мужчина средних лет кавказской наружности и предлагает сыграть с ним на бильярде. Желающих не оказалось. Он начинает играть один, демонстрируя очень высокую квалификацию: бил любые шары, забивал, держа кий за спиной, или наперевес, как копье, забивал

по два шара одновременно, забивал при отскоке от двух бортов и т.д.

Через каждые две-три минуты Кацо (будем называть его так) громко обращался к нам, с изумлением взиравшим на его виртуозную игру, с призывом сыграть с ним. Никто не хотел. Кацо стал над нами посмеиваться, что, дескать, собрались слабаки и неумехи. Затем стал уговаривать играть с форой. Фору, издеваясь над нами, довел до четырех шаров.

Среди нас был очень неплохой игрок – Аркадий Родыгин. Старше нас лет на десять, спокойный, уверенный, с хорошо поставленным ударом и великолепным глазомером. Мы шепотом уговариваем его сыграть. Отказывается категорически, говорит, что нет времени.

Видно, Аркадий понял, что нам ясна причина его отказа – сдрейфил, заранее признал поражение. И, поскольку особенно упорно уговаривал его я, он, как говорится, перевел стрелку на меня. Теперь все стали уговаривать сыграть меня. Я взмолился: «Ребята, да я же точно проиграю!»

Наш разговор услышал Кацо. Его внимание было обращено теперь только на меня, и насмешки его были направлены только в мой адрес. В общем заводили меня двумя ключами: мои коллеги – одним, Кацо – другим. Результата они добились: я буквально осатанел. «Хорошо, – говорю, – сыграем!»

Надо сказать, что игрок-то я был даже не средний, а чуть лучше плохого. Моим единственным плюсом, и как оказалось, весьма существенным, было то, что я видел неоднократно игру классных мастеров и, очевидно, их великолепные удары оставили в моем мозгу, в сознании, в нервной системе какой-то след.

От форы я отказался. Начинал Кацо. Я сходу, как говорят, с одного кия забил пять шаров. Шары были не простые. Каждым ударом я как бы воспроизводил сыгранные ранее комбинации. Решив забить шар, я точно знал, что забью его. Целился очень недолго, бил практически сразу, не бегал вокруг стола, а

медленно шел вдоль борта, с каждым ударом собирая урожай шаров.

Если встал в позицию и в это время заметил, что есть возможность забить гораздо более легкий шар, – позицию не менял, а забивал трудный шар. Удары все были сильные, хлесткие. И, что удивительно, в средние лузы бил (и забивал!) с такой же силой, что и в угловые.

Итак, веду 5:0. Кацо явно обескуражен. Вокруг нас – абсолютная тишина. Бьет Кацо: хороший прицел, хороший удар и шар, задергавшись, застревает в лузе, не падая в нее. Я забиваю в эту лузу одним ударом два шара и затем еще один рикошетом от борта. Партия закончена. Длилась она не более 10 минут.

Гладу кий, говорю: «Спасибо!» «Нэт! – говорит Кацо, – будэм играть!» И загораживает путь к выходу. Пришлось играть. Вторая партия – 8:3 в мою пользу. Третья – 8:6 тоже в мою.

По мере продолжения игры чудесные способности, которые вдруг проявились у меня, стали слабеть. Как будто по капле из меня вытекала уверенность, мастерство, появились элементы суетливости и сомнения в успехе. Последнюю партию выиграл только потому, что Кацо был полностью деморализован.

Кончилось тем, что он, разъяренный, сломал кий через колено и ушел не попрощавшись. Как мне сказали, это был приятель одного из технических работников. Гинеколог, возвратившийся из длительной (года два – три) командировки в Италию. Видно, дела там с гинекологией обстояли неплохо и он имел время напрактиковаться в игре на бильярде.

На следующий день я, овеянный славой, стал играть на бильярде со своими приятелями. Но, о чудо! Вчерашние удары не получались. И, вообще, не получалось ничего. Я остался таким же игроком, каким и был, оценивая себя на три с плюсом.

Стрижка наголо

Как-то в разговоре с приятелем, директором комбината «Якутлес» Николаем Поповым я обмолвился, что ни разу не был в полку противовоздушной обороны, который стоит под Якутском. Он среагировал сразу: «Хочешь, поедem сейчас. Позвоню Варецкому, если он на месте – поедem». Позвонил. Варецкий, командир полка, был на КП. Час – полтора свободного времени было, и мы поехали.

Варецкий, молодой подполковник лет не более 35, встретил на проходной. Подтянутый, красивый офицер, выше среднего роста, волосы русые, густые, ухоженные и лежат на голове красивой волной. Познакомились, и он повел показывать свое хозяйство. Я в армии не служил, в расположении военных частей бывал редко, все мне было в диковинку и поэтому особенно интересно.

Идем по главной дороге к зданию штаба. Навстречу капитан, на вид – лет 40. Как положено, приветствует начальство, приложив руку к козырьку и печатая шаг. Варецкий, почти не глядя на капитана, в ответ лениво махнул рукой, как будто отгонял комара от виска, но пройдя два-три шага, вдруг встрепенулся: «Капитан, стой! Ко мне!» Капитан вздрогнул, остановился, повернулся через левое плечо и четко подошел к командиру, встав по стойке «Смирно!» «Капитан, почему у тебя звездочка на погоне болтается? Еще раз увижу – оторву по звезде с каждого погона. Ясно?» «Так точно, ясно, товарищ подполковник!» «Свободен!»

Надо сказать, что вместе с капитаном вздрогнули и мы с Поповым, уж больно пронзительно громко и неожиданно заорал Варецкий. А звездочка на одном погоне, действительно, была не в порядке: два ее лучика миллиметра на три приподнялись над погоном.

Вошли в здание штаба. Старший из офицеров, майор, отдал рапорт. Варецкий оглядел помещение, остановив взгляд на молодом лейтенанте: «Семенов! Почему лохматый? Не будешь

причесываться, остригу наголо! Ясно?» «Ясно, товарищ подполковник!»

Пошли на командный пункт. Дежурный офицер рассказал, как проходит процесс обнаружения целей, появившихся в зоне их ответственности и порядок действия дежурного подразделения. Особенно запомнилось огромное оргстекло, на которое наносится мелом сведения об оперативной обстановке, причем слова и цифры пишутся справа налево для тех, кто находится с другой стороны стекла и читает их, как обычный текст. Удивил старшина, который, когда мы вошли, быстро-быстро писал на этом стекле. Его вывернутый наизнанку почерк выглядел как обычный, как будто он писал с командирской стороны стекла.

Посмотрев все, что нам показали, зашли в кабинет командира полка. Варецкий предложил выпить по рюмке. Согласились, выпили по одной. Но кто же ограничивается одной рюмкой? Выпили еще. Стали звать друг друга на «ты».

– Слушай, Слава, а чего ты так собачишься с подчиненными? Что, нельзя повежливее? Ведь они тебе ответить не могут.

– Коля, ты ведь не служил? Нет. Поэтому и не знаешь, что по-другому нельзя. На шею сядут и подчиняться перестанут!

– Да не может быть!

– Может. Не знаешь – не спорь!

– Еще ответь. Ты того лейтенанта действительно бы остриг наголо?

– А что ты думаешь, я шучу? Неделю назад одного такого остриг.

– Как это?

– Да так. Велел немедленно отправиться к парикмахеру, и он его оболванил. Так вот. Ладно, хватит об этом.

Еще немного поболтали. Договорились съездить в ближайшие выходные на Лену на подледный лов. Был конец марта, и рыбалка в это время после полярной ночи была истинным удовольствием.

Поехали на двух машинах, с собой прихватили еще троих приятелей. Место выбрали великолепное. В районе Табагинского мыса, где дикая красота Лены особенно впечатляюща.

Варецкий приказал водителю насверлить во льду несколько лунок. Работа эта была очень нелегкая. Стандартный ледобур имеет длину что-нибудь с метр, а лед на реках Якутии за зиму намерзает до полутора метров. Обычно стандартный бур наращивают на 20-30 сантиметров. Иногда этой длины хватает. Ну, а если длина маловата, то обычным ломом сдвигают лед на нужную глубину и сверлят дальше. Получается сверху как бы чаша, которая почти сразу же заполняется водой.

Вот таких лунок-чаш наковырjali все вместе с десяток и в разных местах – и подальше от берега, и поближе. Ведь не известно, где лучше будет ловиться.

Прежде, чем приступить к рыбалке, быстро приготовили сообща закуску попроще, махнули по стопке водки и пошли к лункам. Каждый оборудовал свою лунку сам. Варецкому же все делал шофер. Работа заключалась в том, что надо было с наветренной стороны примерно в метре от лунки соорудить полукруглую стенку из слежавшегося за зиму плотного снега. Если положить на лед какую-нибудь шкуру, лучше оленью, а еще лучше – лист поролоната потолще, то можно, спрятавшись за стену от ветра, даже загорать, раздевшись хоть догола.

Так часто и делали. Посидишь у лунки, подергаешь леску на коротком удилище, и если место хорошее, то рыбу быстро поймашь. Ловились по большей части окуни. Вот кто-нибудь вытащит из лунки красноперого окунька и тут же спешит к столу и других зовет. Есть повод выпить. Так вот и курсируем от лунок к месту привала.

Обычно на рыбалке каждый на чем-то специализируется. Кто костер наладит и рыбу варит или жарит. Кто упорно ловит, если удача этому способствует. Кому нравится – загорает. Но водку пьют все. Кто не пьет, того, обычно, на рыбалку не берут. А водки на рыбалке выпивается столько, что потом даже

опытные, выдавшие виды охотники и рыбаки сами удивляются. По литру на человека – это считается как бы минимальная норма. Кто больше выпьет, кто меньше, уж как сложится.

Варецкий оказался послабее других. Пил-то он как все, но его чаще других тянуло полежать, отдохнуть. Часа через два пошел хороший клев. То и дело слышны были вопли приятелей, вытаскивающих то окуня, то щуку. Про Варецкого забыли, а он прилег у своей лунки, солнце припекло, шапку он снял и подложил под голову, его роскошные волосы растрепались по льду. Заснул. А мороз-то был не менее 25 градусов. Вода из лунки подобралась к волосам и, вероятно, минут через 15 они намертво примерзли ко льду.

Первый вспомнил о нем его солдат-водитель. Увидев командира в таком положении, разбудил его, а тот со сна да спяну ничего не мог понять, пытался встать, издавая странные звуки, что-то между рычанием и повизгиванием.

Быстро сбежался весь наш народ. Оперативно решаем, что делать. Один из очевидных вариантов – оттаивать волосы горячей водой, даже не обсуждался. Мнение было единственное – резать. Кто-то вручил мне штык-нож, с которым приехал Варецкий, и я, не долго думая, аккуратно обрезаю волосы вокруг его головы. Нож был острый, как бритва, и операция прошла быстро и безболезненно. Сам Слава в обсуждении не участвовал, видно, доза спиртного была для него великовата и подавила его разум.

Освобожденный от оков командир полка поднял голову. Наш хохот был такой, что стая ворон, сидевшая на прибрежном дереве, взлетела, как после выстрела. Варецкий был похож на больного из чумного барака, остриженного ножницами. В некоторых местах волосы были острижены до тела, образуя проплешины.

Посмеялись, а потом стали горевать, жалеть Славу. Он сначала и не понял размер бедствия. Успокаивал нас, говорил, что ничего страшного, покороче острижется и все будет в порядке. Потом подошел к машине, посмотрел в боковое

зеркало и понял, что стричься придется наголо. Рыбалка после этого как-то сама-собой завершилась. Напоследок выпили по стопке, выражая Славе свое искреннее соболезнование.

Рассказывая дома своей жене о случившемся, Слава перечислил всех участников рыбалки поименно, и та потом долго смотрела на меня волчицей, считая главным виновником этой неприятности. Ну, а Славу она в тот же день сама обрила наголо.

Потом сослуживцы рассказывали, что командира после этого случая как будто подменили – стал другим человеком, намного терпимее, мягче, человечнее. Оказывается, в науке о воспитании еще много-много неизвестного.

Акробат

Четыре года Федулов работал безвыездно на стройке в Якутии. Так уж случилось, что в отпуск съездить не получалось, дела не позволяли. Устал безмерно. Но больше не от работы, а от неустроенности быта. Тяготили жилищные условия, когда в туалет надо ходить во двор, воду приносить домой в ведрах и столько же, сколько принес, выносить уже в других ведрах в виде помоев. Тяготила постоянная нехватка самых обычных продуктов питания.

Снабжение этого края в то время носило сезонный характер. Массовый завоз продовольствия и промтоваров был летом по реке Лене, и к осени в магазинах было в основном все, что нужно человеку. Но приток новых людей превышал все планы, и продовольствие, особенно овощи, фрукты и всякие деликатесы исчезали с прилавков раньше, чем начинался новый завоз. Ну, а самолетами много не навозишь – дорого.

Получалось так, что и деньги были, а купить, что нужно и что хочется, не можешь. Сухие продукты продавали любые: лук, картошку, капусту, свеклу, морковь. И фруктов сухих было достаточно, всяких и разных.

Спиртное в магазине в основном представлял сам спирт в неразведенном виде в полулитровых бутылках. Очень удобно было его завозить. Привозили одну бутылку, а она эквивалентна

двум с половиной бутылкам водки. Приличная экономия на транспортных расходах.

Винами всякими народ не баловали. Почти всегда в магазинах был только портвейн и еще какое-нибудь простенькое вино. Праздником было, когда лучшие представители кавказских республик доставляли самолетом несколько бочек вина домашнего приготовления и продавали его в розлив. Покупать это вино приходили с ведрами или с эмалированными чайниками, другой тары не было. Не нужна она была, вот ее и не завозили. Ну что, например, делать с бидоном, если в продаже нет ни молока, ни кваса, ни морса какого-нибудь, ни пива.

Жить, конечно, можно, живут же люди и в худших условиях. Но когда знаешь, что где-то все, что хочешь, имеется: и яичницу можешь поджарить не из яичного порошка, а из свежих яиц, и рюмку коньяка можешь выпить и закусить долькой свежего лимончика – грусть накатывается, и начинаешь думать, что хорошо бы махнуть сейчас хоть ненадолго куда-нибудь в благословенный край, где все это имеется.

Вот в такой печальный для Федулова период вызывает его начальник и говорит, что надо срочно ехать в командировку. Только было Федулов хотел начинать отказываться, выдумывая какие-нибудь веские причины, поскольку привык к тому, что командировки в их организации уж очень недалекие, километров за 300, не больше, но не успел, так как начальник продолжил: «В Москву, на 10 дней, получать новое оборудование. Вылетать завтра.»

«Надо же, – подумал Федулов, – чуть не ляпнул глупость, ведь мог бы и не поехать, желающих-то немало». Поручил секретарше купить билет до Москвы и обратно, позвонил жене, у начальника уточнил до мелочей задание по командировке и отправился домой собираться. И что бы ни делал, было постоянное ощущение, что ему здорово, ну просто очень здорово повезло. На следующий день без всяких проблем вылетел в Москву.

Самолеты летали в Москву в то время с двумя посадками: первая – в Иркутске, вторая – в Омске или Красноярске. После посадки в Иркутске было объявлено, что Красноярск закрыт по «погодным условиям». Как выяснилось, он оказался в центре сильнейшего циклона, там бушевала гроза. Официально сообщалось, что пассажиры должны узнавать о ситуации через каждые два часа. Но девочки – диспетчеры, с которыми Федулов быстро наладил дружеские отношения, сообщили ему по секрету, что такая ситуация надолго, и раньше, чем через сутки, о вылете нечего и думать.

Когда-то раньше Федулов наверняка бы огорчился, а сейчас даже обрадовался: везение продолжалось. Давно не испытываемое чувство абсолютной свободы переполняло его. Редко у него так бывало, что целые сутки что хочешь, то и делай, никому ничем не обязан, ни перед кем не надо отчитываться. Была бы такая ситуация, ну, например, дома, так или он сам, или жена тут же бы выдумали какую-нибудь работу, а если бы и не выдумали, то все равно нашлась бы забота, от которой не уйдешь, и не давала бы она покоя. А здесь вдруг возникла и не свобода даже, а парение духа, отчего и мысли-то в голове рождались необычные, вроде бы не ему, Федулову принадлежащие, а кому-то другому, на которого он смотрит как бы со стороны и подначивает: «Давай, давай выдумывай, а я посмотрю!»

Что еще будоражило, так это погода. Был конец апреля. Он уезжал от неисчезнувшего еще и осточертевшего за зиму собачьего холода, а приехал в необычное даже для Иркутска в это время года тепло. Люди ходили без шапок и в плащах нараспашку.

Зашел в продовольственный магазин, а там все есть, что тебе нужно. Хотел было Федулов начать отовариваться, но тут же передумал. Зачем? Сутки же целые впереди. Надо найти гостиницу, да в ресторан завалиться. Еще в порту разговорился с каким-то парнем лет тридцати. Говорили о всякой ерунде: о погоде, о новых самолетах и еще о чем-то. А тут встретил вдруг

его у магазина. И всего-то часа не прошло с первого разговора, а потянуло их друг к другу, как родных. Решили вместе определиться в гостиницу, а потом, конечно, – в ресторан.

Парень был из Владивостока, летел в Москву по семейным делам. Работал в цирке акробатом. «Верхним», – как он коротко и с гордостью пояснил Федулову, – «Нижние» – это и не акробаты вовсе. Так, бугаи. У нижних и никакой квалификации-то нет. Держат нас и не хрена больше не умеют».

Познакомились. Парня звали Василий. Федулов представился: «Николай». Вася сразу сориентировал Федулова: «Поехали в обкомовскую гостиницу. Я там раз останавливался. Лафа! Порядок полный, чистота. В бильярд играл. Где ты в гостинице бильярд видел? Заплатил за шесть часов, как положено дали квитанцию. Я ее для смеха приложил к авансовому отчету, и что ты думаешь – бухгалтер оплатил: печать-то на квитанции стояла обкомовская».

До гостиницы добрались быстро. Это был двухэтажный домик в глубине двора. Никакой вывески не было. Оказалось, что обслуга недавно сменилась, и Васю никто не знал. Но он был малый не промах, назвал себя сыном какого-то известного партийного деятеля, и им, поколебавшись, дали номер на первом этаже до утра. Комната была без роскоши. Небольшая, потолок низкий, две кровати, два стула, простоватый стол, что-то среднее между письменным и кухонным, ну и, конечно, ванная с туалетом. Телевизора не было.

Умылись, побрились и пошли искать хороший ресторан. На выходе дежурная, пожилая тощая женщина (они оба синхронно определили ей прозвище – «шпаргалка») строго предупредила, что в гостиницу нужно явиться до 24 часов, после этого часа пускать никого не будут.

Поймали такси и велели отвезти в лучший ресторан. Лучшим был «Байкал». Мест не было, но деньги сделали свое дело – столик им нашли. Все шло прекрасно, жизнь была удивительно красивой и легкой, все у них удавалось, все

получалось. Федулов чувствовал внутри себя какую-то воздушность, приподнятость. Было очень приятно.

И коньяк был хорош, и закуски хороши: байкальский омуль, икра любая – и черная, и красная, огурчики, помидоры, другая зелень. Язык олений – редкий деликатес, а здесь – пожалуйста, сколько хочешь. И раки есть, и пиво неплохое.

Официант обслуживал быстро, казалось, ловил их взгляды и тут же исполнял желания. И певица на небольшой эстраде пела уж очень хорошо. Казалось, лучшего настроения у человека и быть не может. Ан нет, может. Подошел к их столику метрдотель и сказал, обращаясь к Федулову: «Вас ждут». И показал рукой на дверь, где стоял швейцар. К тому моменту оба приятеля выпили уже изрядно, но рассудок не потеряли. Федулов удивился: «Да кто меня ждет? Я же здесь никого не знаю». Мэтр вежливо наклонил голову и повторил еще раз: «Вас ждут». Решение принял Вася: «Сходи, Коля, посмотри, кто там тебя ждет».

Федулов пожал плечами и пошел. Швейцар у дверей повторил ту же фразу: «Вас ждут» и показал на «Волгу» метрах в десяти у подъезда. Федулов подошел, открыл дверь и увидел на заднем сиденье двух молодых девиц, всем видом выражающих нетерпенье обладать таким красивым, сильным и умным мужчиной. За рулем сидел здоровенный рыжий парень с фигурой и лицом Собакевича, облик которого запомнился еще со школьных лет. «Садитесь», – вежливо сказал он. «Спасибо» – еще вежливее ответил Федулов и пошел обратно в ресторан.

Легкая озабоченность, которая, как облачко в ясный день на минуту прикрыло солнце, быстро прошла. Настроение даже улучшилось. «Ха-ха! Хотели меня обмануть – не получилось!» Он помнил случай с главным инженером треста, который он сам и рассказал, будучи на вечеринке в страшном подпитии, ничего, практически, не соображая. Но ему верили, потому что прекрасно помнили, как когда-то всей конторой срочно собирали и переводили ему по телеграфу довольно большую сумму вроде бы на покупку кооперативной квартиры.

А дело было так. В командировке в Москве, в ресторане, он познакомился с прелестной дамой и напросился к ней ночевать. Провел великолепную ночь. Утром, уходя от нее, договорился снова встретиться. Та обещала, загадочно улыбаясь. А через час он хватился – нет партбилета. Сразу же позвонил этой даме, спросил, не оставил ли он у нее партбилет? Та ответила, что да, оставил, а чтобы его получить, нужно заплатить 5 тыс. руб. Деньги были немалые, тогда почти столько «Жигули» стоили. Угроза обратиться в милицию вызвала у нее смех. Я, говорит, твой билет отправлю в ЦК КПСС заказным письмом. А это, ясное дело, в лучшем случае – строгий выговор, да и с работы намахают. В общем, пришлось деньги срочно доставать и класть их в каком-то общественном туалете в консервную банку, а уж потом получать партбилет. Все это пронеслось в голове Федулова, вызвав прилив гордости и уважения к себе, так спокойно и четко ушедшему от большой неприятности.

Время приближалось к полуночи, нужно было направляться в гостиницу, а то дежурная бабка вдруг да и не пустит, если опоздают. Рассчитались поровну, но Василий прикупил еще бутылку водки и банку крабов – домой, в гостиницу. На душе у обоих было легко-легко. Само-собой потянуло на песню. Дуэтом стали петь последнюю из услышанных в ресторане: «Славное море, священный Байкал». Пели в такси и на подходе к гостинице.

Света в окнах уже не было и дверь была заперта. Да, старуха, оказывается, не шутила. Тихонько постучали – никакой реакции. Постучали сильнее – в одном окне зажегся свет и дверь приоткрылась на цепочке. В щель зашипела та самая противная бабка, что, дескать, ночуйте, где хотите, не пушу, порядок нарушать не дам, все уже спят, и закрыла дверь.

Такого оборота приятели не ожидали. Забарабанили в дверь так, что стены затряслись. Дежурная выскочила сразу, дверь открыла нараспашку, злым шепотом занудила: «Вы хулиганы, пьяницы! Здесь сейчас такие люди, такие люди! Я милицию вызову!» Приятели прошмыгнули в свой номер. Настроение

было напрочь испорчено. Буквально пять минут назад Федулов чувствовал себя орлом, парящим высоко над облаками, а сейчас – как будто спикировал с высоты в кучу дерьма.

– Вася, выпьем!

– Нет вопроса. Надо. Вот ведь зараза какая! Дверь не могла сразу открыться.

Из посуды в номере были только стаканы. Выпили по половине. Говорить ни о чем не хотелось. Молчать тоже вроде бы не с руки, ведь только недавно так хорошо беседовали.

– Вася, ну вот в цирке ты акробат, а в жизни что ты можешь делать? Какая от тебя польза?

– Какая польза? Стойку могу на руках делать.

– Так и я могу сделать стойку, только у стенки.

– А я могу на столе. Вот – смотри!

Вася сбросил пиджак и смаху встал посреди стола на две руки. Ноги его при этом уперлись в потолок. Он прошелся по столу на руках, одновременно печатая шаг по потолку. Получилось ловко. Обоим понравилось то, что на потолке от грязных подошв четко обозначились следы ботинок.

– Васек, а ну-ка еще!

Вася сделал еще три шага, но отпечатки на потолке уже были еле видны. И тут почти одновременно им обоим пришла в голову грандиозная мысль. Они задумали страшную месть этой противной старухе, этой шпаргалке, которая не уважает таких хороших людей, издевается над ними. Говорили, перебивая и дополняя друг друга. В результате родился гениальный план: подкоптить свечкой подошвы Васиных ботинок, затем Вася делает стойку на столе, а Николай двигает стол по комнате. Утром, когда их не будет, эта хрычовка зайдет в номер и обалдеет, подумает, что тут нечистая сила по потолку бегала.

Быстро-быстро выпили еще немного. Зажгли свечу (ее хранили в номере на случай отключения электричества), Николай хорошо прокоптил подошвы, не снимая с Васи ботинок, чтобы сажу зря не размазывать, где не надо – и работа закипела. Надо сказать, что обоим было не легко. Сама по себе

стойка на руках – трудное дело, а ведь надо еще и потолок топтать. Но Вася был на высоте, с задачей справлялся неплохо, все-таки профессионал. Николаю же было намного трудней. Хоть пол и паркетный, вроде бы гладкий, но щели и неровности встречались, а стол ведь надо двигать плавно, поэтому напряжение было большое. Чтобы не допустить рывков, Федулов так старался, что пот с него лил ручьем.

Пройдясь так по комнате туда-обратно, решили, что хватит. Получилось красиво, обоим очень понравилось. Сели отдохнуть. Водки осталось как раз по полстакана. Выпили, как честно заработанное. Поели крабов, покурили.

– Да, Вась, стойку, конечно, делать сила нужна. А тебя со столом таскать силы нужно еще больше. Значит, я сильнее тебя.

– А чего спорить? Давай-ка на руках кто кого прижмет?

Сели за стол, сцепили руки. Но несмотря на старание, явного преимущества ни у кого не выявилось. У Федулова, который когда-то занимался борьбой, вдруг проснулись старые натренированные рефлексy. Он внезапно, обняв руками туловище Васи, приподнял его как при броске через себя, встав на носки, и швырнул его на кровать, желая этим приемом поставить точку в споре.

Но случилась заминка. Вася, падая, ненароком так звезданул локтем по носу Николаю, что из него, буквально, фонтаном брызнула кровь. Пока разобрались, что делать, в крови испачкано было все: одежда, пол, подушки, покрывало и даже на стене были кровавые следы. Только-только уняли кровь и начали пытаться убирать следы сражения, без стука открылась дверь и вошли двое милиционеров. Вызвала-таки милицию шпаргалка!

Милиционеры остолбенели. Всякое видали, но такое – впервые. Решили, что разбираться будут в отделении, изъяли у приятелей документы и ценные вещи и посадили их в машину. Опускание с неба на землю произошло настолько быстро, что подействовало на обоих друзей, как кессонная болезнь: тут же

отключились, заснув в машине, и растолкать их, приведя в чувство, смогли только на следующее утро.

Дознание проводил майор. Больше всего его возмущала глупость нарушителей: «Ну он-то акробат, голова у него – не главный орган, но ты-то, гражданин Федулов, – начальник управления! Неужели не мог сообразить, что следы на потолок можно было делать просто ботинками? Держать их в руках и ляпать по потолку!»

Федулов сидел с опущенной головой, приемлемые варианты выхода из создавшегося положения не шли ему на ум. Ясно, что ни на какой компромисс милиционеры не пойдут, о том, чтобы дать им деньги и речи быть не могло – с обкомом шутки плохи.

Майор позвонил кому-то, видно, начальству. Шепотом, чтобы не слышали задержанные, обсказал ситуацию. Минут через десять пришел подполковник, взял в руки документы арестантов, внимательно их посмотрел и по-командирски распорядился: «Этого (показал на Васю) – в суд, пускай ему там врежут пятнадцать суток. А этого, охо-хо, начальник СМУ..., нос-то как баклажан, здоровый и синий». Помолчал немного и, обращаясь к майору: «У него билет туда и обратно?» «Так точно!» «Ну вот пускай и летит обратно. Посадить его в самолет на ближайший рейс. Документы ему верните, протокол задержания направьте в его организацию. Пускай его воспитывают.»

Указания милицейского начальника выполнили быстро. И вот уже Федулов сидит в самолете. Смотрит в окно на приближающийся родной поселок. Впервые без всякой радости. Мыслей нет, тело как ватное. Самолет подпрыгнул несколько раз, касаясь колесами бетонной полосы, минуты три проехал до стянки и заглушил двигатели. Все пассажиры вышли. Командир корабля опустил руку на плечо: «Чего сидим? Пора выходить.»

Федулов встал на трап, огляделся, никто его, конечно, не ждал. Постоял немного и медленно пошел по ступенькам вниз. До поселка было километра два. Чтобы ни с кем не встречаться

в автобусе, пошел пешком. Сильный, холодный порывистый ветер дул в лицо, дергал тело на скользкой дороге, быстро приведя его в чувство. В висках застучали мысли: «Что делать? Что делать? Что делать?» Представил, как явится завтра в трест. Ужас! Позор! Что говорить? Как в глаза смотреть? Представил, как обсуждают документ из милиции на собрании, как выступает главбух треста – секретарь партбюро, долдон, с которым он постоянно пикировался, и рассказывает, смакуя подробности, про этот дурацкий стол, который он, Федулов, имевший репутацию умника, как последний идиот двигал по комнате вместе с акробатом, стоявшим на руках, и как все, включая и лучших его друзей, хохочут над ним, Федуловым.

Сжал зубы, сдвинул челюсти, почувствовал на языке порошок от размолотых зубов, немного успокоился. И опять все те же мысли: «Ославят и в поселке, о жене будут говорить, что это та самая, у которой муж стол двигал, а в ответ, ясно: «Ха, ха, ха!»

Мысли вдруг перестали вертеться и сконцентрировались на одной, главной. В голове был тонкий металлический звон. Он всегда его слышал, когда принимал решения в критических ситуациях, когда кончались сомнения и нужно было действовать. Он опять стал самим собой, прежним Николаем Федуловым, уверенным и сильным, а не размазней и хлюпиком, каким был только что.

Подошел к дому, свет не горит, значит жены нет. Открыл дверь, не раздеваясь, прошел в спальню, снял со стены двухстволку, убедился, что заряжена. Из кухни принес длинную поварскую вилку и, приставив стволы под подбородок, нажал ей на два спусковых крючка. Выстрел дуплетом оторвал ему голову.

Судьба человека

Еду домой по проспекту Мира. У станции метро «Щербаковская» (сейчас – «Алексеевская») вижу огромную очередь на маршрутное такси, конечная остановка которого рядом с моим домом. Был теплый летний солнечный день, настроение – прекрасное. Так и подмывало сделать что-нибудь приятное людям. Подъезжаю к очереди и весело, с улыбкой говорю: «Кто не боится, садитесь, довезу бесплатно!»

Первая в очереди стояла очень симпатичная девушка. В общем-то из-за нее я и остановился, рассчитывая, что поедет она. Но, видно, или из-за того, что я был чрезмерно весел, или сама суть предложения довезти бесплатно, да еще и того, кто не боится, вызвала у людей неожиданную для меня реакцию: они замкнулись и стали отводить от меня глаза.

Сделалось как-то неудобно и мне. И, чувствуя, что выгляжу глуповато, стал уговаривать людей ехать, объясняя, что следую как раз по маршруту такси. Никакой ответной реакции. Оскорбленный в лучших чувствах, захлопнул дверцу машины.

И тут вдруг какой-то старик, стоящий в очереди в самом конце, помахал палкой, на которую до этого опирался, и крикнул, чтобы я подождал. Подошел к машине, с трудом забрался на переднее сиденье. Объяснил, что ноги были сломаны, а сейчас вдруг разболелись.

Поехали. Я немного оттаял. Спасибо, думаю, этому деду, не сел бы он – и настроение мое было бы испорчено надолго. Еду молча и поглядываю сбоку на пассажира. Редкие седые волосы его слегка растрепаны, как у людей, не уделяющих внимания своей внешности. Лицо заросло какой-то бесцветной щетиной – не брился, наверное, дней пять. Глаза, брови, нос, овал лица такие, что, казалось, расстанемся и не смогу даже вспомнить его облик, до того он обыденно выглядел.

Пока ехали, разглядел его одежду. Она тоже была незапоминающаяся: поношенный серый пиджак, темно-серые помятые брюки, непонятного цвета темная рубашка с

расстегнутым воротом, на ногах – коричневые с овальными носами вышедшие из моды ботинки.

Через две-три минуты поглядел на старика повнимательнее и заметил, что у него все же есть и особые приметы. Во-первых, хорошо заметный шрам на левой стороне лица от глаза до уха и еще одна особенность: лицо, издалека выглядевшее гладким, оказалось покрыто густой сетью пересекающихся неглубоких морщин. Ну, думаю, дед, лет тебе не меньше восьмидесяти.

Палку старик держал между ног, а на колени положил какую-то небольшую вещицу, завернутую в мятую газету. Сверток упал на пол и из газеты вывалился маленький прозрачный полиэтиленовый пакет, в котором лежали попережку мятые красные помидоры и наверное грамм двести-триста кильки.

Старик поднял пакет, на мой вопросительный взгляд ответил: «К матери еду, гостинец вез, да ничего от него не осталось, прогулял все. Неделю гуляли». Ну, думаю, надо спросить что-нибудь про мать, ведь ей, скорей всего, лет около ста. Долгожительница, таких мало, особенно в городах.

- Сколько матери лет-то?
- Да уж больше шестидесяти. А сколько точно – и не знаю.
- Ты что, шутишь? А сколько лет тебе-то?
- Мне? Сорок третий пошел. Гуляли-то на дне рождения.

Сорок два исполнилось.

Я был ошарашен. Получается, что мы родились с ним в один год. Мне тоже было сорок два.

- Дед, ты что-то путаешь!

Моя реакция, видно, была для него не в диковину. Он знал, конечно, что выглядит глубоким стариком. Немного помолчали.

– Из тюрьмы я, друг, – сказал дед. Расспрашивать его мне казалось не очень удобным, но из вежливости поинтересовался:

- И сколько же ты сидел?
- Двадцать три года, – ответил дед.
- О, Господи! За что же?

– Украл мешок с хлебом – двадцать буханок. Работал тогда в пекарне, в Москве. Я ведь москвич. Кончил школу. Учился хорошо, но в институт не поступил. Не прошел по конкурсу. В армию брать меня было рано. Пошел работать грузчиком в пекарню. Отец у меня на войне погиб. Жили с матерью трудно. Суд учел это и дали мне один год условно.

Мы приехали. Весь путь – минут десять – пятнадцать. Дед из машины не выходит. И мне с ним расстаться, не дослушав его, просто было нельзя. Ну не мог я его не дослушать! Интерес был вызван, пожалуй, тем, что начало его жизни уж больно было похоже на мое: возраст один, оба москвичи, отец погиб, жили трудно, и учился в школе тоже неплохо, и в институт поступал не просто. И еще чем-то он сразил меня. В то время я и не понял, чем именно. Это потом уже, спустя несколько дней, уяснил, в чем дело: этот человек говорил о себе с поразительным, непередаваемым равнодушием, как будто он рассказывал о какой-то букашке, не о муравье даже, а о незаметной тле.

Зато я был эмоционален:

– Дед, а двадцать три года-то за что все-таки?

– Слушай дальше. Я ведь никому еще это не рассказывал, да и рассказывать-то было некому. Кому это интересно?

В таком же тоне, тихим, немного скрипучим голосом, без пауз он продолжал:

– Год этот условный уже заканчивался. Ехал я в трамвае, вот здесь это было, недалеко, у выставки. Вдруг завязалась драка. Дрались пять человек – это я на следствии узнал. Мне нельзя было вмешиваться, я сразу мимо них к выходу бросился, да так быстро, что один парень решил, что это к нему я рванулся, и ударил меня ножом. В общем, попал я в самое пекло: и меня били, и я бил. Забрали всех в милицию, а меня сразу в больницу. Рана была не тяжелая, лечили две недели. Потом следствие. Оказалось, что все пятеро – знакомые, из одного двора. Порезали не только меня, а и еще одного парня. Приписали мне это. А кто меня пырнул – не определили, никто

не признался. Я-то знал кто, да не поверили. Получилось так, что и нож мой, и драку затеял я. Дали мне три года и еще год, который условным был.

– А обжаловать разве нельзя было?

Дед посмотрел на меня, как на ребенка, снисходительно. Усмехнулся: «А кто бы стал жаловаться? Родных нет, одна мать полуграмотная. Знакомые как-то сразу исчезли. Да к тому же всех, видно, устраивало, что так это дело закончилось. В зоне научили меня написать прокурору. Ответ пришел, что все правильно, нарушений закона нет.

Отсидеть срок спокойно не дали. Там ведь как: или шестери, или пробивайся наверх, других дави. Шестерить не стал. Избили раз, другой. Опустить хотели. Того, который держал меня, укусил я в шею, вырвал зубами клочок мяса, разорвал ему артерию. Умер он, спасти не успели. А меня зеки сразу бить стали. Сломали ребра, ногу, челюсть, внутри все отбили. В сознание пришел дня через два. Лечили долго. Потом суд. Добавили десятку.

Как только немного оклемался – опять то же самое. Покоряться не стал и ввязался в драку. Ранил заточкой одного. И опять добавили срок. Жить не хотел. Пробовал повеситься, резал вены, все неудачно. Отстали все от меня, наконец. Кому нужен такой доходяга? Еле ходил, работать не мог. Поставили на легкий труд – машины из шланга у ворот мыть.

Подвернулся случай – ушел в побег. Зачем – сам не знаю. Конец года, зима, холод собачий, ни одежды гражданской, ни денег, ни харчей. Залез, дурак, в кузов с опилками. Часа через три поймали. Охрана была так, как и зеки-то никогда не били. Оказывается, лишил я их премии за целый год. Опять лечили и еще добавили три года.

– Ну, а дальше? – я спросил, что бы что-то сказать, молчать неудобно. Моя жизнь, наполненная трудностями, которые я часто сам себе и создавал, всегда казалась мне значительно сложнее, чем у многих других. Но по сравнению с этим «дедом» я выглядел маменькиным сынком, живущим на курорте.

– Спрашиваешь, что дальше? А дальше ничего. Ни жить, ни умирать не хотелось. Ничего не хотелось. Нашелся один сердобольный из начальников, поставил меня на работу регистрировать почту. Несколько лет на этом сидел. Денег немного заработал. Да вот эти деньги и пропил. Осталось всего ничего.

– А сейчас куда?

– Да я ж тебе говорил – к матери. Вот адрес ее, – он показал мятый почтовый конверт. – Это здесь, рядом. Только вот письмо-то старое, года три ему. Жива ли мать еще, не знаю.

– Тебе может чем помочь надо?

– Да, нет, не надо. Да и зачем?

– А если матери нет?

– Если нет – чего-нибудь придумаю. Спасибо тебе – довез, да и поговорили, а то ведь меня никто и слушать-то не хотел.

Вылезал он из машины так же трудно, как и садился в нее. Мне казалось, что слышу скрип его суставов. Протянул ему на прощание руку. Он посмотрел на меня и дал свою. На недавних похоронах, прощаясь с близким человеком, лежащим в гробу, я дотронулся до кисти его руки. Взяв в свою руку руку «деда», ощутил тот же могильный холод. Жать такую руку нельзя. Подержал ее в своей и отпустил.

Подав ему палку. Он пошел, опираясь на нее, держа в другой руке пакет с помидорами. Шел тихо, значительно медленнее, чем час назад подходил к машине. Мне показалось, что я понимаю причину его безразличия к себе и отказа от помощи. «Дед», видно, чувствовал, что часы его жизни останавливаются и сопротивляться этому у него нет ни сил, ни желания. Все это он давно израсходовал.

А я, случайно подвернувшийся ему человек, был для него существом из другого мира. Из того мира, который мог бы ему помочь, но не сделал этого, отвергая его двадцать три года, и фактически погубил его. И он перед этим существом, т.е. передо мной, сделал то, что делают в церкви на исповеди – оголил свою душу.

Его выслушали, может быть, впервые в его жизни отнесясь к нему по-человечески. И это запоздалое участие съело его последние силы.

Флирт

У приятеля пропала путевка в Египет на две недели на курорт в Хургаду. Предложил поехать Василию Ивановичу, он согласился, быстро все согласовал и с семьей, и с работой и уже через три дня был на берегу теплого Красного моря.

Что делают одинокие мужики на курорте? (Кстати, и женщины – тоже и с не меньшим успехом). Правильно, флиртуют. Василий Иванович был не хуже и не лучше других, он был нормальный мужик и поэтому вел себя, как все, то есть времени решил зря не терять и побыстрее с кем-нибудь познакомиться. Надо сказать, что основания для удачного знакомства у него были. Выглядел он очень неплохо, хоть и лет ему было не мало: хорошо за пятьдесят. Но при этом сохранил еще стройную фигуру и умение развлекать женщин.

В первый день огляделся, сориентировался в части экскурсий, выбрал из множества вариантов три поездки, одна из них выглядела очень заманчиво: путешествие на необитаемый остров. Отправляться туда нужно было завтра утром и в тот же день вечером возвращаться. Что ж, прекрасно. Со всеми можно перезнакомиться, а там видно будет, как действовать. Таков был первичный план.

Перед посадкой в автобус заметил компанию: три милovidных женщины средних лет и один мужчина, рассказывающий им анекдоты. Присоединился к ним. Сначала слушал, что они рассказывали, потом сам стал рассказывать. Познакомились. Все шло как надо. Василий Иванович был очень неплохим рассказчиком и уже минут через пять вся компания слушала только его. Хохот стоял несмолкаемый, прерывавшийся только на то время, что требовалось для рассказа очередного анекдота. Женщины смотрели на него с восхищением, он стал своим человеком в их компании.

Впереди был целый день, и с удачно завоеванного плацдарма можно было успешно вести наступление по уже отработанным стандартным схемам. Надо только поточнее выбрать объект усиленного внимания. Женщин-то было трое, а выбрать надо одну. Но эта задача уже попроще. Тут главное было в определении настроя самих женщин.

На удивление и здесь повезло. Одна из женщин, блондинка лет тридцати пяти, статная, симпатичная уж больно откровенно, но вроде бы нечаянно, стала опираться на его плечо. Василий Иванович заметил в ее сумочке сигареты: значит, курит. Следующие действия уже не вызвали никакого сомнения: надо с ней покурить.

Как известно, совместный перекур, как и выпитая бутылка спиртного быстро сближают людей. Василий Иванович незадолго перед поездкой бросил курить и очень этим гордился. Но решил без колебаний, что в данном случае начать курить просто необходимо. Да чего там необходимо, просто дураком будет, если не покурит с этой блондинкой.

Извинился и решительно двинулся к табачному киоску, который был буквально в трех шагах. Купил пачку Мальборо и зажигалку. Продавец проверил зажигалку, чиркнув ею разок и убедившись, что она исправна. Блондинка сама предложила закурить. Да, везет просто на удивление. Пока Василий Иванович распечатывал пачку, она уже задымила.

Кто бросал курить, знает, как приятна сигарета после небольшого перерыва. Василий Иванович предвкушал это удовольствие, не торопился. Понюхал сигарету, помял ее немного в руках, взял в рот, достал из кармана зажигалку, поднес ее к кончику сигареты и ... и случилось невероятное: из зажигалки вырвалось такое пламя, что со стороны похоже было на факел. Весь газ, который был в зажигалке, сгорел сразу, польхнув по лицу Василия Ивановича. Он вздрогнул, но боли сначала не почувствовал. Подошел к автобусу, заглянул в боковое зеркало и увидел ужасное: лицо было разделено на две части вертикальной черной полосой от верхней губы до верха

лба. Полоса была шириной сантиметра три, и в ее пределах выгорело все – волосы на усах, ресницы, опалились даже волосы на голове. Хорошо, что глаза не пострадали.

Ситуация была такая, что нужно было держать фасон, быть мужественным. Василий Иванович повел себя как настоящий мужчина: повернулся к людям и рассмеялся. Видя такую реакцию пострадавшего, народ захохотал так, как не веселился ни от одного его анекдота.

Василий Иванович снова посмотрел в зеркало и обомлел: на кончике его носа обозначился волдырь диаметром с копеечную монету. Он рос прямо на глазах, увеличиваясь в объеме. Это был крах, конец всем надеждам. С такой рожей надеяться на успех было бессмысленно. Теперь надо было достойно выходить из игры, не потеряв лицо. Подумал так про себя и усмехнулся: «Лицо! Да какое же это лицо? Не рожа даже, а харя!»

Мысли крутились быстро-быстро. Основная опасность была в том, что не дай Бог этот волдырь лопнет и воспалится, то на носу на веки вечные появится круг, как пятачок у свиньи. С таким носом жить будет сложно. Да, вот попал, так попал. А как все хорошо начиналось!

Положение сложилось хуже вроде бы и не куда, но и оно чуть было не усугубилось. Торговец зажигалками, увидев случившееся и чувствуя свою вину, подбежал и стал оправдываться, дескать, он проверял же зажигалку, она была исправная. Успокоили его: не волнуйся, претензий к тебе нет. Он взбодрился, нашел в своем хозяйстве кусок ваты, намочил ее какой-то жидкостью, пахнущей одеколоном, и хотел было начать оттирать лицо пострадавшего. Слава Богу, что его вовремя остановили. Еще бы немного и случилось бы непоправимое: он точно бы содрал этот здоровенный волдырь. Остановила блондинка, и этот ее благородный жест подсказал Василию Ивановичу решение: «Рано сдаваться, поеду на этот чертов остров, а там будь что будет!»

Сел в автобус рядом с блондинкой. Обстоятельства обязывали поддерживать статус весельчака и балагура, который был завоеван в предыдущие десять минут. Соседка помогла привести лицо в относительный порядок. Каким-то кремом намазала обожженную кожу, насколько возможно убрала следы копоти.

И вот после небольшого перерыва Василий Иванович, как говорится, снова вышел на эстраду. Эффект был поразительный. Только он начал рассказывать какую-то байку, ближайшие соседи, взглянув на него, стали неудержимо хохотать. Веселя публику, стал хохотать и он. Рассказывать больше ничего не стал. Посмотрел внимательно в зеркало и понял, что с такой рожей можно молча улыбаться и успех у публики будет обеспечен. Оставшиеся от обработки огнем две половинки усов и выросший до невероятных размеров волдырь на носу делали лицо настолько смешным, что позавидовали бы и профессиональные клоуны, которые нередко годами ищут свой образ.

Но это была не его роль. Всю жизнь работая начальником, он привык веселиться тогда, когда он сам захочет. Но чтобы хохотали над ним, причем без его желания – такого с ним еще не было никогда. Надо было перестраивать поведение. Смешить народ своим видом – это было непереносимо. Василий Иванович посерьезнел, затих. О нем вроде бы и забыли. Из автобуса вышел последним. Погрузились на небольшой кораблик. Плыли недолго и вскоре причалили к берегу крошечного песчаного острова без всякой растительности. Его размер был такой, что, находясь на любом берегу, можно было увидеть весь остров.

Путь до высадки из корабля Василий Иванович проделал, ведя умные разговоры с соседкой, стараясь при этом не смотреть в ее сторону. На острове сказал ей, что он один побродит по берегу. Она согласилась сразу и тут же упорхнула к своей компании, оставив ему по его просьбе маленькое зеркальце. Вот с этим зеркальцем он и провел весь день,

стараясь держаться подальше от людей, которые развлекались, как могли: играли в волейбол, ныряли, плавали, ловили рыбу, пили вино, водку, пиво.

Да, это было издевательство над человеком, над ним, Василием Ивановичем, который смотрел на это веселье и с грустью думал, какой же он дурак, что не мог вовремя сообразить, что после того, как обжег себе нос, не надо было ехать на эту экскурсию. А все эта блондинка. Ведь если б не она, точно бы не поехал.

В середине дня была организована легкая закуска, заменяющая обед. Голод не тетка, даже с таким экзотическим носом есть все же необходимо. Пристроился к краю стола, где были одни мужчины, выслушал от них искренние соболезнования, наскоро выпил рюмку водки, пожевал кусочек колбасы и тихонько удалился. Пошел на корабль и просидел там в теньке, тихо и в одиночестве страдаая, до отплытия.

При погрузке утренняя веселая компания, в которой он так успешно начал блистать, его как бы и не замечала. Удивительно, но не замечала и блондинка. Подумал: «Вот змея!» С одной стороны, это, конечно, обидно, а с другой – хорошо, спокойней, не надо головой вертеть и выдумывать темы для разговора.

Находясь в тени общего возбужденного веселья, без приключений добрался до отеля. Блондинка немного реабилитировалась в его глазах: перед расставанием подошла, спросила, как дела, предложила утром встретиться на море. Василий Иванович на все был согласен, лишь бы скорей скрыться от людей.

На следующий день у него начался особый период. Это был отдых в прямом смысле слова. Еще с вечера, позвонив по мобильному телефону жене и узнав, как нужно лечить ожог (ей сказал, что на руке), тут же стал, как положено, врачевать свой нос. Вечером же сбрил остатки усов и окончательно отмылся от копоты. Каждый день рано-рано утром убегал по берегу в абсолютно безлюдное место, делал зарядку, плавал, немного

загорал. Пищу принимал, когда людей в ресторане почти не было. Днем в жару сидел в номере, читал, вечером вместо всяких мероприятий (кино, игры, танцы) опять занимался физкультурой, спрятавшись от людей.

Так прошло дней восемь. Следы ожога были почти незаметны, лишь облупившийся нос напоминал о былой неприятности. Оставшиеся два-три дня провел как все отдыхающие, даже поучаствовал в экскурсиях. За время вынужденного затворничества приобрел великолепную физическую форму. Бывший спортсмен, он и раньше следил за своим телом, а сейчас, в одиночестве, просто любовался им. Раздевался догола и вертелся перед большим зеркалом, напрягая мышцы, вздыхал: «Да, Вася, не повезло тебе, пропал отпуск!»

За день до отлета встретил на пляже ту самую почти забытую блондинку. Рядом с ней шел какой-то невысокий мужчина. Поздоровались. Света (так она представилась тогда еще у автобуса) вела себя как-то виновато, стесняясь. Василий посмотрел внимательно на обоих. Господи, Света-то и не блондинка вовсе. По всей голове были видны черные, отросшие за две недели, волосы. Да какая же ты Света? Твое имя должно быть Тамара или Нина. А мужик-то, е-кэ-лэ-мэ-нэ, просто плюгавый какой-то. Откуда такие только берутся? Пузатый, лысый, низкорослый. Видно, у него были другие, невидимые миру достоинства. Простились как-то суетливо и разошлись. Мелочь кажется, а стало полегче. Вывод ясен: Света не была бы приобретением. Смешно стало, посмотрел им вслед: «Будьте счастливы, дети мои!»

Дома, в Москве, жена восхищалась: «Вася, выглядишь просто прекрасно. А я боялась тебя одного отпускать. Очень беспокоилась, как бы ты с пути не сбился. Как сейчас, ты таким красивым давно не был. Все морщинки разгладились. Молодец! А знаешь, на второй день, как ты уехал, у меня так кольнуло сердце, а потом дня три побаливало. Сейчас-то не болит, все нормально».

Василия Ивановича вдруг осенило. На второй день, да это как раз, когда я себе нос подпалил. Уточнил время, совпало все до минуты. Обнял жену, подумал: «Радость моя, сердце у тебя кольнуло потому, что этим сердцем ты мне по носу звезданула».

Вот ведь как в жизни бывает.

Русские в Австрии

В конце 70-х довелось быть в короткой, дней 5, командировке в Австрии. Был вдвоем с коллегой – директором проектного института. Принимала нас организация, название которой в переводе на русский длинное и мудреное, но, по сути, она была аналогом нашего тогдашнего Госстроя, т.е. законодателем и контролером в строительстве.

Принимали очень радушно. Были мы без переводчика. Я немного говорил по-английски, мой спутник тоже немного – по-немецки. Кое-как понимали наших хозяев. В трудных случаях они пытались давать пояснения на ломаном русском языке. Постоянно подчеркивалось, что готовы нам оказать любую услугу, дать любое пояснение, показать все, что только пожелаем.

Их фантастическая гостеприимность не то, чтобы расслабляла, а, наоборот, способствовала выдумыванию нами разных мелких просьб. И понять нас можно было, ведь буквально, что ни попросишь, тут же делается и делается с улыбкой. Слегка обнаглев от такого обхождения, я как-то попросил рюмку водки во время обеда в ресторанчике, расположенном на центральной площади г. Вены рядом с ратушей. Наши сопровождающие с улыбкой и пониманием восприняли эту просьбу, дескать, русский есть русский, ему, конечно, нужна водка, как же он без водки.

Передали просьбу официанту, тот исчез и долго не появлялся. А я ждал, обед остывал, австрийцы, вижу, нервничают. Я им стал объяснять, что без водки могу свободно обойтись, ради Бога, пускай не беспокоятся, ничего не надо. В ответ замахали руками, убеждая подождать, не принимать пищу. Ну, что поделаешь, жду.

Минут через 20 принесли маленькую колбочку с широким дном и узким горлышком, закрытую яркозеленой вошеной бумажкой, перевязанной желтой ленточкой. Содержимого в этом сосуде было граммов 80. Возникла новая проблема – на столе нет рюмок. Официант пошел за ними и опять пропал.

Сидим, маемся, уж и говорить не о чем. Ну, думаю, ладно, махну я эту водку прямо из колбы, что людей-то мучить. Опять же закреплю в их сознании стереотип, что русские пьют водку, как воду. Ну, и выпил в два глотка! Сквозь маску вежливости у австрийцев явно проглядывала уверенность в их представлении о сути загадочной русской души, которую я, смею думать, сильно укрепил.

Что же касается странного отсутствия в ресторане водки, то я так и не понял, с чего возникла эта проблема, почему вдруг ее не оказалось? В результате водку, как нам объяснили, принесли из запасов ратуши, предназначенных для приемов важных гостей.

Вена – прекрасный город, красивый, ухоженный. Ритм жизни спокойный и деловой. В конце командировки выдалось свободных несколько часов. Гуляем по городу, любуемся уникальными зданиями, умиляемся маленькими, словно игрушечные, трамвайчиками, которые двигаются по рельсам, выписывающим крутые кривые по узким улицам.

Шиллингов у меня уже не осталось, и поэтому было ощущение полной свободы от обязанностей что-либо покупать. А у моего приятеля было положение другое: 200 шиллингов жгли ему руки, их нужно было куда-то пристроить. Ну, не сдавать же их как остаток при оформлении авансового отчета по командировке?

Вдруг видим вывеску, на которой нарисованы очки. Спутник мой сразу принимает решение купить себе хорошие очки и на этом закончить эпопею траты денег, тем более, что ниже рисунка обозначена и цена – 180 шиллингов. Прекрасно, денег хватит с запасом, может остатков достаточно будет и в кафе сходить.

На пороге магазинчика стоит хозяин, пожилой улыбающийся человек. Уточняем у него цену. Да, цена 180 шиллингов. Мой приятель самостоятельно выясняет, подбирают ли очки при продаже? «Да, конечно», – отвечает австриец. При этом пытается что-то объяснить. Я не вникаю, не мое вроде бы дело, а моему спутнику тоже это показалось неинтересным, он остановил австрийца жестом, понятным всем людям на земле – скрещенными руками, добавив на словах, что сделать нужно получше. Хозяин поднятым кверху большим пальцем зажатой в кулак кисти, т.е. жестом, также понятным всем землянам, убеждает, что все будет прекрасно. В общем, договорились.

Знакомимся, даем свои визитные карточки, что делали часто для того, чтобы подчеркнуть, что мы солидные, серьезные люди и должности занимаем немалые. Австриец, и так предельно вежливый, поднял градус обходительности и уважения на несусветную высоту. Только что на руках нас не носил.

Уточнив, кому нужны очки, хозяин предложил мне посидеть в кресле под навесом у магазина, подав мне чашечку кофе, а моего приятеля, полуобняв, увел в какую-то темную комнату, дверь которой была задернута черной портьерой. Один я не просидел и минуты. Из темной комнаты, из которой слышалась тихая музыка, выскочил мой коллега буквально с вытаращенными глазами на красной физиономии.

«Слушай, это какая-то провокация! Там девка почти голая и ко мне пристаёт! Бежим отсюда!»

За приятелем следом вышел хозяин. Лицо обескураженное. Пытается пояснить по-немецки, по-русски и жестами, что там, в комнате – подбор, подбор очков, что все делается, как надо и все будет хорошо, господам не надо беспокоиться. Успокаиваю и я приятеля: «Может зря беспокоишься? Может что-то мы не понимаем?»

Тут выглянула из комнаты та самая девка. Возраст – лет 18, на теле – один халатик нейтрального цвета, полы которого проходили на уровне критической отметки, когда чуть выше – и

хорошо будут видны интимные детали. Волосы длинные, распущены и лежат на спине. Улыбка спокойная и загадочная. Да, думаю, хороша, есть от чего встревожиться.

Но раз дело начато, надо его все же закончить. Убеждаю приятеля потерпеть, смириться. Специалисты, дескать, знают, что надо делать. В общем, иди, не бойся. Еле уговорил. Только сел, глотнул раза два кофе, опять выскакивает из той комнаты мой коллега, на лице – ужас: «Она с меня брюки снимает, уже шнурки на ботинках начала развязывать! Не пойду больше!»

Опять появляется австриец с виноватой улыбкой на лице. Втолковывает нам, что не брюки, а ботинки должны быть сняты. И опять я убеждаю приятеля продолжить сеанс. Австриец, до этого момента, очевидно, совсем не представлявший, что мы абсолютно и полностью не понимаем его методику подбора очков, решил объяснить нам все в подробностях. Взял лист бумаги, схематично изобразил человека, сидящего в кресле. Ноги его опущены в таз с водой. Смысл был в том, что тихая музыка, полутемная комната, ласковая девушка, которая снимает с клиента ботинки, носки и опускает его ноги в теплую воду, при этом поглаживая и расслабляя его, в максимальной степени способствуют стабилизации всего оптического механизма глаза и позволяют подобрать лучшие линзы для очков.

Да, к такому сервису мы были не готовы. Даже когда все стало ясно, мой приятель, как он потом рассказывал, сидел в этом кресле, как на сковородке. Ситуация осложнилась еще и тем, что от носок моего коллеги, не менявшихся четвертый день, исходил легкий аромат, который никак не способствовал его спокойствию.

Но дело в конце концов было сделано, очки подобраны. Они оказались очень удачными по качеству, несмотря на все трудности и препятствия, связанные с их выбором. Пережив все это, мы с хозяином выпили по чашечке кофе и в результате остались очень довольны друг другом. Очки были упакованы в красивую коробочку и перевязаны шелковой ленточкой. Все это

сделала та самая девушка, которая обеспечивала качество работы.

Хозяин неторопливо выписал счет и подал его нам. Там значилось 740 шиллингов. Приятель мой, переживший только что столько стрессов, к последнему испытанию был не готов. С тупым ужасом смотрел на счет.

Я же решил узнать, нет ли здесь ошибки? Ведь на вывеске стоит цена – 180 шиллингов! Австриец ласково, опустив на мое плечо руку, стал объяснять, что 180 – это цена самих очков. Покажите пальцем на любые очки на витрине – и они будут вам стоить 180 шиллингов. А вы же сами просили очки подобрать. Вот вам и подобрали. Я господину (он показал рукой на моего товарища) хотел рассказать, какие есть варианты подбора очков, но он посчитал это ненужным. Сделать получше – была ваша просьба. Что мы сделали – это самое высокое качество.

Но если у господ не хватает денег, такое бывает, то можно заплатить позже по счету, который я вышлю. Адрес ваш есть, он указан на визитной карточке. Не беспокойтесь, если будет нужда, заходите еще, всегда будем вам рады.

С трудом держа улыбку на лицах, чувствуя себя коренными жителями глухой таежной деревни, появившимися в столичном городе, покинули этого гостеприимного хозяина.

Примерно через месяц получили счет. Он прошел по официальным каналам через бухгалтерию министерства и, как было положено по законам того времени, за перерасход валюты в командировке вычли с моего приятеля за эти очки в рублевом эквиваленте в десятикратном размере, что существенно превышало его немаленькую месячную зарплату директора института.

Да, недешево стоит изучение особенностей европейского сервиса.

Анна Васильевна

Получили с женой двухкомнатную квартиру в новом доме. Для того времени (середина 80-х годов) – на двоих совсем неплохо. Обустраиваемся, знакомимся с соседями. Дом

большой, 12 этажей, четыре подъезда. Из всего дома знакомых – два-три человека. Понемногу узнаем сначала ближайших соседей, а затем и соседей подальше. Наш этаж девятый. Месяца через полтора уже знаем почти всех в подъезде от первого до двенадцатого этажа.

Заслуга в этом моей жены, общительная она сверх меры. Люди к ней просто прилипают. Видно, что-то в ней есть, располагающее к доверию и откровенности. Входит в лифт с абсолютно незнакомыми людьми, а выходит из лифта – и ей уже рассказывают о таких семейных подробностях, о которых и не все ближайшие родственники знают. Таким, как она, политруками бы быть.

С некоторыми жителями знакомство перерастало в приятельские, а то и в дружеские отношения. Стали приходиться к нам в гости, попить чайку, поболтать, рассказать о своих проблемах, посоветоваться. Одна из таких соседей была Анна Васильевна – так звал ее я. Жена же звала ее просто Аня.

Коммуникабельностью я не отличался никогда, с людьми старался начинать отношения с формально-официальных, обращался к ним по имени-отчеству и на «вы». Объяснялось это, в основном, моей стеснительностью, которая выработалась с детства, как защитная реакция от обид, грубости и хамства. А потом уже, став взрослым, я принял эту удобную для меня манеру общения. А Анну Васильевну я, конечно, мог бы звать и Аней, она бы не обиделась, так как моложе была лет на десять. В гости Анна Васильевна приходила к нам вместе с дочкой, в то время десятиклассницей. Общение началось с позиций, которые она сама и обозначила: мы, т.е. я с женой, вроде бы какой-то высший класс общества, обеспеченный и успешный, а ее семья – бедные и обиженные.

Резон у нее был такой: «Вы – доктор наук, профессор, занимаете хорошую должность, при деньгах. А кто мы? Я – пенсионер, не работаю. Муж – прокурор средней руки, денег получает немного, да еще и выпить любит». Сама она имела высшее образование, но уже несколько лет не работала, была на

пенсии по инвалидности, мимоходом объяснив, что инвалидность связана с каким-то психическим расстройством.

Каждая встреча с ней, а их было несколько, не меньше четырех или пяти, начиналась и заканчивалась ее нытьем по поводу тягот жизни: «Денег не хватает, квартира плохая, дочь в хороший институт не поступит, так как для этого, дескать, нужны связи, а их у нее нет...» и т.д. и т.п.

Основной пункт в ее нытье был муж. Он, по ее словам, был воплощением зла. Нужные семье деньги не мог заработать, а из того, что зарабатывал, значительную часть пропивал. Да к тому же был и импотент. Короче говоря, определение ему за глаза давалось такое: «Сволочь такая». Но самое удивительное в том, что это в открытую при дочери, которая присоединялась к словам матери. Наши увещевания, что нельзя так говорить о муже и отце, полностью игнорировались. Пояснялось, что он еще и хуже, чем о нем они говорят.

Квартира у них была, пожалуй, одна из самых неудобных в нашем подъезде: двухкомнатная, на втором этаже, над входом. Пол поэтому был холодный и постоянно слышен стук входных металлических дверей. Денег у них, действительно, было маловато. Одевались они скромно. Была дача километров за 100 от Москвы, которую, по ее словам, они достраивали уже несколько лет. Автомшины не было.

Как-то они наняли маленький грузовичок, чтобы отвезти на дачу в начале сезона хозяйственные вещи и разные строительные материалы, в том числе и те, которые в течение предшествующих месяцев собирали во дворах и в районе помоек. Грузились в субботу утром и были пойманы соседями на том, что забросили в кузов дверное полотно, сняв его с петель в проеме на лестницу. Скандал был шумный, но недолгий. Дверь заставили поставить на место.

И Анна Васильевна, и муж ее, и дочь жизнь вели скромную, ничем не выделялись, вежливо здоровались при встрече с соседями, были приветливы и обходительны. Но

оказалось, что в каждом из них бродили нерастраченные силы, которые ждали своего выхода.

Перестройка в обществе развивалась. Что ни день, то случались события, будоражившие людей. Оказалось вдруг, что наш дом стал бесхозным: строило его союзное министерство, которое оформило документы на его передачу в правительство Москвы, но в одночасье исчезнув, как организация, дело до конца не довело. Мы оказались ничьи. К дому потянулись цупальца частных организаций.

В этих условиях жильцы решили срочно создать товарищество по управлению домом. Создали правление. Муж Анны Васильевны стал членом правления. Выборы его прошли триумфально. На общем собрании после какой-то юридической заминки он попросил слово. Речь его была четкая, аргументированная, в которой он сумел сказать, где и кем он работает, какой у него опыт. По яростному, эмоциональному накалу и содержанию выступление его было никак не меньше, чем аля-Собчак. Избрали его под аплодисменты.

Он сел на место, разгоряченный небывалым для него успехом и недели две после этого воспринимался в правлении, как сгусток воли и энергии. Но потихоньку стал остывать, перестал ходить на заседания правления, стал отказываться от поручений, а потом и вовсе заявил, что у него нет времени, что он поступил на курсы по переподготовке юристов и будет работать в коммерческом банке.

Вместо себя в правление отправил жену. На наши возражения, что выбирали-то его, а не жену, причем как юриста, и кроме того Анна Васильевна – пенсионер по инвалидности, отвечал, что у нее есть масса достоинств: свободное время и огромная нерастраченная энергия. Надо сказать, что эти достоинства уже начали проявляться. Первый всплеск нерастраченной энергии накрыл волной соседей по этажу, которые однажды утром увидели на стене график уборки лифтового холла. Это было индивидуальное творчество Анны Васильевны. Не советуясь ни с кем, она сочинила этот документ

и стала жестко требовать его исполнения. Соседи попытались было сопротивляться, интеллигентно объясняя, что хорошо и правильнее было бы предварительно, до принятия решения посоветоваться. Слабое их сопротивление было быстро сломлено Анной Васильевной. Криками, которые были слышны на весь подъезд, она привела их к установленному ей порядку, и соседи обреченно решили, что уж лучше раз в неделю в определенный Анной Васильевной день помыть пол, чем связываться с этой фурией.

Одержав маленькую, но безусловную победу в масштабах этажа, Анна Васильевна поднялась на общедомовый уровень. Она активно стала бороться за ликвидацию ракушек для хранения автомашин, которые, как грибы, стали расти вокруг дома: составляла обращения в мэрию, собирала под ними подписи, при встречах с автовладельцами, заимевшими ракушки, стыдила их и угрожала неприятностями. Ее маленькая, худощавая, низкорослая фигура буквально излучала потоки энергии, которые ощущались при приближении к ней.

Вот в такой кондиции муж и пытался пристроить ее в правление. С ним в результате согласились. Энергию Анны Васильевны попытались направить на мирные цели. Попытка удалась. Анна Васильевна успешно провела операцию по установке в подъезде домофона. Но постепенно (в отличие от мужа, который погас почти мгновенно) ее энергия ослабевала и, наконец, перестала быть заметной для окружающих. Анна Васильевна стала обычным человеком.

А дело было в том, что пока она совершала подвиги, муж ее, подучившись немного и заняв хорошую должность в банке, принадлежавшем его брату, стал получать очень приличные деньги. Материальное положение семьи быстро изменилось к лучшему. За мужем стала по утрам приезжать машина, она же привозила его домой часов в 8-9 вечера слегка пьяненького, но веселого и уверенного в себе.

Анна Васильевна жаловаться на него перестала. Может быть, он по-прежнему и остался импотентом, откуда нам знать,

но никогда больше она не говорила, что он «сволочь такая». Упомянув его, теперь называла уважительно по имени и отчеству, а не как раньше по фамилии и пренебрежительно. Вот уж воистину прав был старик К. Маркс: бытие определяет сознание. Да еще как определяет! Анна Васильевна продемонстрировала это очень убедительно.

Вскоре они купили девятую модель «Жигулей», в то время считавшуюся престижной. Естественно, что по фронту борьбы с ракушками был нанесен сильнейший удар, так как его оставил основной боец – Анна Васильевна, а без нее сражение с этим злом как-то сразу захирело и угасло.

А наша героиня продолжала удивлять соседей. Обучилась ездить на автомашине, получив права, при этом оставаясь инвалидом аж второй группы с диагнозом из области психики. Осваивала вождение она активно. Машину колотила о столбы, стены гаража и о другие авто не реже раза в месяц. Зато быстро научилась премудростям вождения, лихо заезжала с первого раза задом в ракушку, лавировала, если нужно, буквально в сантиметре от различных препятствий.

Со стены второго этажа исчез график уборки межквартирного пространства. Террор соседей закончился. Анна Васильевна решила проблему элегантно: стала лично немного доплачивать уборщице, которая и так по обязанности должна была убирать эту площадку.

Как-то незаметно прошло событие поступления ее дочери в институт, да не в какой-нибудь, а в ИМО! Однажды встретил ее и не узнал: вместо улыбающейся девочки с широко открытыми глазами – молодая дама с прищуренными и далеко смотрящими холодными очами. Здраваться первой она перестала, впрочем, встречаться с ней доводилось все реже, так как родители ее отселили, купив ей квартиру невдалеке от нашего дома. Через несколько лет вышла замуж. Как говорила Анна Васильевна, очень удачно, то есть за богатого человека. После этого видеть ее не довелось. Но Анна Васильевна доверительно рассказывала моей жене, что дочь не выдержала испытание богатством: к

прислуге относится издевательски, оскорбляет и унижает, да и матери, по ее словам, тоже достается.

Ну, а сама Анна Васильевна развивала карьеру автомобилиста. Сменила дважды автомобиль и ездит теперь на большущем черном джипе. Дел у нее прибавилось, свободного времени совсем не осталось. Да и то верно, попробуй успей везде: и в фитнес-клуб, и к какой-то знаменитости на массаж, машину возить в сервис – тоже работа, по магазинам проехать, еще и мужа при случае куда-нибудь подвезти – дел прорва!

И муж здесь не помощник – водить машину так и не научился, а может быть, и не пытался. Он, видно, был из той редкой породы мужиков, для которых вождение представляет трудность непреодолимую. Я знал одного такого. Все у него получалось как надо: езда по прямой, повороты, остановка, трогание с места. Но вот когда поворачивал направо, а навстречу ему по другому ряду, поворачивая налево, выезжал автомобиль, он воспринимал это как лобовую атаку, непроизвольно закрывал глаза и ничего с этим поделать не мог.

Неудобную свою квартиру Анна Васильевна обменяла в нашем же доме на такую же на третьем этаже. Сделала это по-деловому, с позиций, соответствующих ее новому положению. Правда, со второй попытки. Первая попытка, неудачная, выглядела так. Пришла она к вдове генерала, недавно скончавшегося, и, не тратя зря время на всякие там сантименты, прямо, по-деловому, заявила: «Вера Павловна, денег у вас нет, жить вам не на что, давайте, переезжайте в мою квартиру, а я в вашу. Я вам доплачу». Очень удивилась, когда ее вежливо попросили вон.

Все знали, что у Анны Васильевны деньги есть. И если нужно было что-то продать, что пользовалось спросом, то чтобы не заниматься поисками покупателей, в первую очередь предлагали ей. Так она приобрела еще одну ракушку – там стояла ее вторая машина, да еще и бетонный гараж в соседнем квартале на тот случай, если вдруг ракушки снесут.

Прошло несколько лет. Новый статус Анны Васильевны уже никого не удивлял, привыкли, пригляделись. На этом можно было бы и точку поставить. Но оказалось – рано. Что-то в облике Анны Васильевны стало меняться. При встречах стала вежливее и внимательнее, все пыталась поговорить, узнать, как дела. Раньше за ней этого не замечалось. Больше стала возить мужа на автомашине.

Моей жене рассказала новости. Банк, в котором работал муж, обанкротился, весь персонал был уволен. Уже семь месяцев муж без работы. «Постоянно ноет, работу найти не может, каждый вечер пьяненький, и где только деньги берет. Надоел мне хуже горькой редьки, сволочь такая!»

Ощущение победы

Отбросив коммунистическую идеологию, руководство страны очень быстро поняло, что вообще без идеологии жить нельзя, что у народа великой державы должно быть некое объединяющее начало: не только общая территория, но и общие устремления, задачи, цели. И вот в 1996 году президент Б.Ельцин дал указание своим приближенным выработать национальную идею. Работали они целый год, но так ничего путного и не сочинили. Очень непростой оказалась задача объединить чуть ли не мгновенно разьединенных рыночными реформами людей. В средствах массовой информации на эту тему шла оживленная дискуссия. Выдвигалось множество формулировок национальной идеи, которые другими авторами тут же подвергались обоснованной критике.

В итоге дискуссии, продолжавшейся несколько лет, выяснилось, что есть только одно, никем не оспариваемое объединяющее нас начало – это великая война (1941-1945 гг.), победа в этой войне, доставшаяся ценой нечеловеческого напряжения и ставшая возможной только при монолитной сплоченности всего народа. Газетный штамп, но суть дела отражает точно.

Воспоминания об этой войне до сих пор будоражат людей. Не все еще выяснено, не все по достоинству оценено, не все

проблемы этой давно прошедшей войны разрешены. Не все павшие похоронены, не все могилы воинов найдены. Периодически выплескиваются сенсации того периода или «новое» прочтение ранее известных фактов.

Один известный ученый, например, вдруг заявил, что народное ополчение чуть ли не специально бросали в бой необученным и почти безоружным, поскольку уж больно много было там вольнодумцев, которые мешали власти. Дескать, поменьше их останется – лучше будет. А вот еще одна его новация – нашей стране следует извиниться перед Европой за то, что наши солдаты насильовали женщин в освобождаемых от фашистов странах. Читать это тошно, а обсуждать еще противнее.

Что греха таить, еще лет 20-30 назад вряд ли кто-нибудь осмелился бы во всеуслышание заявить, что во время войны его семье жилось значительно лучше, сытнее, чем сейчас. Побоялись бы, ведь все еще помнили, как люди умирали не только от пуль, но и от голода. А мне вот довелось услышать, как один пожилой человек, в войну бывший ребенком, рассказывал, не стесняясь, о сытной жизни в военные годы, потому что его отец был военным снабженцем. Знаю я и одну человеческую особь, которая в изобилии увешивает себя тяжеловесными ювелирными изделиями из сохраненных родителями и не растраченных в военное время запасов, и так же, не смущаясь, рассказывает об этом, хорошо зная, что золото в войну было только у спекулянтов, скупающих его у голодных людей за бесценок.

Все описанное – мать, которая в первые десятилетия после войны была не очень заметна и проявилась в основном только сейчас, в наши годы. Ушли из жизни многие, а вернее, почти все, кто по праву мог считаться автором великой победы. Мало осталось и тех, кто жил в военные годы и помнит их. Детям войны сейчас как минимум по семьдесят лет. Еще немного – и очевидцев войны не останется вовсе. Поэтому их рассказы, впечатления, очевидно, будут интересны потомкам. Вот с

такими мыслями я и решился написать о самом запоминающемся для меня эпизоде Великой Отечественной войны.

Я помню первые бомбежки Москвы. Последующие не видел, потому что меня увезли в эвакуацию в Казахстан, в г. Алма-Ату. Привезли в Москву через год. Помню первый салют в честь освобождения от немцев Белгорода и Орла. Забыть это невозможно, в этот день, 5 августа 1943 года, почтальон принес матери «похоронку» на моего отца, лейтенанта, политрука танковой роты. А за два месяца до этого он сам был у нас проездом, заскочив буквально на полчаса.

Хорошо помню, потому что долго стоял в толпе молчащих людей и смотрел, как в июле 1944 года по Садовому кольцу в Москве провели десятки тысяч пленных немцев. Молчание нарушил мой младший брат, крикнув: «Они папу моего убили!»

Детская память сохранила много тех впечатлений, которые нередко проходили мимо сознания взрослых. И вот уже в наши дни, перебирая мысленно события военных лет, свидетелями которых я был, решил, что самым запоминающимся был приезд в отпуск на долечивание после ранения Алексея, старшего брата Мишки, моего приятеля из соседнего двора.

Шел 1944 год, начало лета. Мать в тот день была дома: в госпитале, где она работала медсестрой, был пересменок. Госпиталь этот был необычный – для бойцов с челюстными ранениями. Это было страшное место. Кто не видел – вряд ли поверит в этот ужас. Я был у нее на работе один раз. И не приведи, Господи, увидеть подобное кому бы то ни было. Представьте себе людей, на людей не похожих. У них есть руки, ноги (правда, не у всех), но от головы осталась только половина – без нижней челюсти. Не все, конечно, раненые были такие, но – очень многие. Они выглядели, как инопланетяне с птичьими головами, в глазах которых застыла боль. Ни засмеяться, ни улыбнуться они не могли – нечем было улыбаться.

Ужасу добавляло и то, что почти все они были ходячие. Было ощущение, что попал в какой-то другой, не наш мир, где

люди и выглядят, и говорят по-особому, издавая какие-то утробные звуки, сопровождаемые непонятными жестами. У многих ниже носа привязаны марлевые шторки, закрывающие место, где должна быть нижняя челюсть. У одного раненого я увидел сделанный врачами из живой плоти пищевод – красно-синюю липкую на вид, свободно болтающуюся при ходьбе кишку, на которую вдруг села летевшая мимо муха. Видел бы все это великий художник-баталист Верещагин, его «Апофеоз войны» выглядел бы по-другому.

В общем, мать была дома и послала меня в магазин. Дала мне эмалированный белый бидон, 12 рублей и велела купить три литра суфле. Что это такое, я и сейчас толком не знаю. Белый, похожий по цвету на молоко, но погуще молока, сладкий – этот напиток нам, детям, очень нравился.

Такие поручения, как это, считались у нас, ребятни, большой удачей. Постоянно голодные, мы все время думали о еде. Посылают, например, за керосином или за хозяйственным мылом, или за каустиком (из разговоров женщин я знал, что эта жидкость очень выгодна при стирке) – ну какой от этого прок? Что купил, то и принес домой. А вот если идешь за хлебом, то наверняка будет хоть небольшой, но довесок, кусочек граммов на тридцать. Тут же его и съедаешь. Выгодно было ходить за морковью, за свеклой тоже вроде бы неплохо, но только в том случае, если она мелкая, тогда одну штучку можно и съесть, никто и не заметит.

Иду вприпрыжку в магазин, помахиваю бидоном, настроение прекрасное. Решил, что два-три глотка суфле отхлебну. Сочиняю версию, объясняющую недостачу, так как знаю, что у матери внутри бидона есть нацарапанная малозаметная метка, отмечающая уровень в три литра.

Эти мои размышления прервал Мишка, внезапно выскочивший из-за угла. Я даже вздрогнул. «Ко мне брат приехал, с фронта!» Приезд в отпуск солдата из армии в наше мирное время – это немалое событие для родных и знакомых, а во время войны приехать с фронта – чрезвычайное

происшествие. Приезжали, как правило, искалеченные, которые на фронт уже не возвращались. Приехать в отпуск было большой редкостью.

Спрашиваю с опаской: «А чего он приехал-то?» Ну, думаю, сейчас Мишка скажет, что брат или без рук, или без ног или что-нибудь подобное, неприятное, страшное. Мишка весело, нараспев поясняет: «На пе-ре-фор-ми-ро-ва-ние!» И добавляет: «Раненый, в руку».

Мишкиного брата я знал немного. Звали его Алексей. Он был лет на десять старше меня, учился в ремесленном училище. На нас, малышню, он внимания не обращал, а мы, наоборот, всегда глазели на него, когда он проходил мимо нас в форменной фуражке, гимнастерке, подпоясанный ремнем с блестящей пряжкой, стройный, широкоплечий. В армию его призвали год назад, и вот он приехал. Очень хотелось посмотреть на него. Спрашиваю: «А чего он сейчас делает-то?» «Да ничего, спит. Хочешь, пойдем посмотрим». «Пошли!»

Комната, где жил Мишка с матерью, была в полуподвале. Два ее окна, верх которых немного возвышался над тротуаром, были завешаны шторами, в комнате было темно. Вошли на цыпочках, Мишка приложил палец к губам, чтобы я не разговаривал. Постояли немного, глаза привыкли к темноте, и я увидел мишкиного брата.

В комнате было тепло, и он лежал на кровати поверх одеяла в одних коротких трусах. Левая рука у него была забинтована от кисти до плеча. Лежал на спине и слегка посапывал. Приглядевшись, увидел, что на табуретке рядом с кроватью лежит пустой кисет для табака. Мишка показал рукой, что надо уходить. Тихонько вышли на кухню.

Мишка говорит: «Просил курево достать. Давай бычков собираем». Бычки – это окурки. Собирали мы их с Мишкой и с другими пацанами в разных местах скопления людей, а чаще всего – на выставке трофейного вооружения в парке им. Горького. Технология сбора была несложной: оставшийся в окурке табак быстро двумя руками очищался от зольных

включений и ссыпался в самодельный кисет, сделанный из старого чулка или носка, который подвешивался на шею на крепкой нитке желтого или коричневого цвета, чтобы ее не было заметно на фоне загорелого тела. Сам кисет был спрятан за майкой или рубашкой так, что со стороны для тех, кто не знал, ничего и не заметно.

Конспирация была нужна как защита от всяких неприятностей. Во-первых, мать может увидеть, а скорее всего кто-нибудь из ее знакомых, которые ей все расскажут, и делай потом что хочешь, выдумывай всякие небылицы; во-вторых, и это главное – насобираешь часов за пять с полкисета табака из бычков, а кто-нибудь постарше и посильнее отнимет все, сорвав кисет с шеи. Так бывало, и не один раз.

Курили в то время в основном махорку, делая самокрутки, поэтому и окурки нам доставались от самокруток. Папиросы были большой редкостью, и найти бычок от папиросы было удачей. В отдельные дни выдавалось редкое везение. Придешь на выставку и пристроишься к какой-нибудь группе военных, а они, если это бывалые фронтовики, как только подойдут к немецкой пушке, танку или самолету, вспоминают всякие истории, которые с ними случались. При этом все усиленно курят, чаще всего папиросы, и бросают их, не докуривая чуть ли не до половины.

Особенно большой урожай бычков высокого качества (от папирос «Беломорканал» и «Казбек») удавалось собрать у танков «Тигр». На них, разбитых, поверженных и то страшно было смотреть, а каково нашим солдатам было в бою против них? Раз видел, как двое сержантов, слегка выпивши, плакали, прислонив головы к их броне и закрыв лицо руками. При этом что-то быстро и сбивчиво говорили друг другу.

Бычки мы собирали частично для личного потребления, так как многие курили – некоторые для форса, а кое-кто уже привык к куреву так, что без него обходиться уже не мог. Но все-таки главной задачей было собрать табак для продажи. Он стоил два рубля за граненый лафитник для водки, вмещающий граммов

семьдесят. За эту цену подростки продавали его мужикам, а нам, семи-восьмилетним, они давали рубль. Цена нас вполне устраивала, хоть заработать эти деньги было и непросто: за рубль нужно было трудиться дня три. Пачка мороженого тогда стоила 24 рубля. Вскладчину купив, мы обычно делили ее на четырех человек.

О материном задании я уже не думал. Засунул деньги поглубже в карман, бидон оставил на кухне и пошел с Мишкой решать задачу обеспечения куревом его брата-фронтовика. Искать бычки было нереальной задачей, поскольку в наших дворах взрослых курящих людей было мало, да и те докуривали свои цыгарки до конца так, что табака там не оставалось.

Быстро обежали дворовых приятелей, которым объясняли, что срочно нужно достать хоть немного табачку для Мишкиного брата-фронтовика. Слово фронтовик было в те годы священным, волшебным, оно открывало души людей, поэтому мы быстро набрали хорошую горсть табака и довольные побежали к Мишке домой. Но вместе с нами увязалось и человек пять ребятни, которым уж очень хотелось посмотреть на Мишкиного брата, они ведь тоже знали его.

Мишка тихонько заглянул в комнату. Брат уже проснулся и сидел на кровати. Выглядел он монументально: широченные плечи, мощная грудь, правая незабинтованная рука перевита мышцами. «Заходите, ребята, не стесняйтесь!» Мы вошли, встали у двери. Мишка молча высыпал на кисет, лежащий на табуретке, горсть табака. Брат увидел, сказал: «Спасибо! Сейчас умоюсь, поговорим. А вы садитесь, чего встали-то?» Он вышел в кухню, а мы расселись на полу у стен.

Минут через пять он вернулся, Мишка помог ему надеть брюки, застегнул на них пуговицы. Брат спросил: «Ну, ребята, как жизнь-то идет у вас тут?», откинул шторы на окнах, взял кусок газеты, ловко оторвал от него прямоугольник для самокрутки. Мишка стал было ему помогать, но брат остановил его: «Не надо, я одной рукой научился. Уже второй месяц кручу». Сделал воронку из газеты, послунявив край, приклеил

его, левой забинтованной рукой слегка прижал это изделие к колену, насыпал табак, утрамбовывая его мизинцем, согнул пополам и получилась известная всем козья ножка.

Мишка чиркнул спичкой, брат закурил, затянулся, закашлял, прокашлявшись, спросил: «И где же вы такое говно достали?» Мишка честно объяснил, где и как мы достали это г.... Брат рассмеялся, потрепал его по голове и сказал: «А, ладно, забудь об этом. Сейчас поем, оденусь и пойду куплю папиросы». Потом посмотрел на меня: «Ну, Колька, как дела, в школу-то ходишь?» Я обомлел: он меня помнит и даже знает, как меня зовут! Я застеснялся, потупился и ответил, что еще не хожу, но уже записан и первого сентября пойду учиться. «Молодец!» У Юрки он тоже что-то спросил и тот, как и я, просто засветился от счастья. Уже потом я узнал, что брат пораспросил Мишку, как дела в наших дворах, кто ранен, кто убит. Наши с Юркой отцы были последними из погибших, поэтому он нас и выделил среди других ребят.

Потом мы все стали его просить рассказать что-нибудь о войне, как он воевал, как его ранили. Отнекиваться он не стал: «Расскажу, – говорит, – смеяться будете!» И стал рассказывать: «Наш пулеметный взвод на двух студебеккерах привезли к берегу небольшой реки, я ее и название не знаю. Выгрузились мы вместе со станковыми и ручными пулеметами, и машины уехали. Была команда дожидаться полевую кухню, пообедать, после чего поступят дальнейшие распоряжения. Метрах в ста пятидесяти от нас виден был небольшой лесок, местность вся просматривалась, немцы, как нам говорили, были далеко-далеко. Наш лейтенант принял решение – отдыхать, купаться, приводить себя в порядок. Выделил зону у берега метров в пятьдесят, за ее границы выходить запретил.

Жара тогда была страшная, в машинах нас везли часа два, пыль так запорошила лица, что видны были только зубы да глаза. От радости, что можно искупаться, мы заорали так, как когда-то орали не так и давно в пионерском лагере в такой же ситуации. А вообще, надо сказать, что ребята почти все у нас во

взводе были молодые, моложе меня. Я-то год уже отвоевал, а человек пятнадцать только недавно призвали, кому 18 лет, а некоторым и поменьше. В больших боях не участвовали. Стариков лет так под тридцать было четыре человека. Среди них взводный, воевал еще под Сталинградом. Вот он нас и спас».

Алексей замолчал, встал, потянулся кверху правой здоровой рукой, уперся ладошкой в потолок, спросил: «Ну, что, рассказывать дальше?» Мы загалдели: «Рассказывай, рассказывай!» «Ладно, расскажу. Сейчас вот докурю вашу отраву». Он протянул было руку к остаткам нашего табака, но его решительно остановил парень лет двенадцати: «Я сделаю!» Он быстро, ловко скрутил из газеты самокрутку тугую и крепкую, как папироса. Нам-то это было не удивительно, мы знали его способности, он курил уже давно, а Алексей восхищенно покачал головой, как бы говоря: «Ну, дает!» Парень зарделся от этой молчаливой похвалы.

Покурил и продолжил: «Кинулись мы к реке, на ходу бросали автоматы, каски, ремни, гимнастерки. Вдруг взводный гаркнул: «Отставить! В две шеренги – становись!» В чем остались, в том и построились. Велел нам лейтенант разложить все оружие и одежду строго по расчетам. Кто какой пулемет обслуживает, рядом с ним и раздевается, здесь же чтобы и автоматы лежали. И чтобы оружие было готово к бою. Ориентир – кромка леса.

Одного бойца дежурить оставил. Купаемся. Радости было! Дежурному завидно, ходит по берегу, болтает с нами. Короче говоря, тот, кто дальше всех от берега заплыл, первый увидел колонну немцев, они выходили из леса. Крикнул: «Ребята, немцы!» Пока мы головами вертели, взводный вылетел из воды и понял, что дело серьезное. Немцы, оказывается, быстрым маршем, почти бегом двигались из ближнего к нам леса в дальний лес. Нас они сначала не видели, но крик услышали, остановились и сразу по команде повернули в нашу сторону и

уже побежали что есть силы. На ходу крепили к автоматам штывки.

Я вот слышал, как вы матом ругаетесь. Плохо это. Война закончится, мы вас живо от этого отучим. А как на нас взводный орал! Ну, а не кричал бы, не ругался, могли бы и не успеть. Немцам до нашего оружия было уже метров меньше ста, а нам – метров тридцать. Но немцы были на ходу, одетые, а мы голые и сначала-то растерянные. Но – успели! Опередили их. Первых покосили автоматами. Кто совсем близко подбежал, тех – врукопашную. Ну, а потом заработали наши пулеметы. Немцы сразу все легли, кто раненый, кто убитый, но большинство – живые.

Хотели мы одеться, но взводный велел не отвлекаться и живых быстро, пока не очухались, разоружить. С автоматами бегом окружили мы всю эту группу, собрали их оружие в две кучи, живых построили, оказалось – сто семьдесят человек. А у нас – всего один раненый. Не я, дежурного нашего ранило. Меня – позже, в другом месте. Три пули навывлет. Всю руку изжевали.

Тут подошли наши танки. У них была задача – ликвидировать эту недобитую часть, а мы должны были действовать с ними совместно. Немцы хотели уйти в большой лес, да тут мы помешали. Стрелять нельзя – себя обнаружат, поэтому и бежали, чтобы прирезать нас втихую. Не получилось.

Видим, из переднего танка вылезает майор. Одеваться уже некогда, взводный нас построил в две шеренги, босых и голых, с автоматами на груди. Хотел было отдать рапорт, но майор еще на землю не спрыгнул, а уже начал хохотать. Наш лейтенант махнул рукой, скомандовал: «Вольно! Разойдись!» – и мы пошли одеваться. Потом прибыла кухня, водки дали по сто грамм, потом еще добавили за геройство. А майор с танкистами все хохотали над нами, хотели узнать, чем же мы напугали немцев? Их же чуть не в десять раз больше вас было. Неужели «этим делом»? Надо, дескать, было нам с сорок первого года без порток воевать, не отдали бы пол-России. Ну, а если без смеха,

говорит, то в сорок первом такое было бы невозможно, хреновые мы были вояки. И еще он добавил, что война-то, ребята, закончилась. Это уже не война, а добивание. Ну, вот так, орлы, посмешил я вас?» – закончил Алексей и обвел нас взглядом.

Никто из нас не смеялся. Больше того, когда он рассказывал, как они с немцами бежали кто быстрее успеет к оружию, я в этом месте от волнения прокусил губу изнутри и не заметил, как рот наполнился кровью.

Алексей решил поесть. Мишка поставил ему на стол еду, оставленную матерью: картошку, селедку, хлеб. Ребята не отводили глаз от Алексея. Я же перепачкался кровью и решил вытереть губы. Лезу в карман, за тряпочкой, заменяющей носовой платок, а там лежат деньги, данные мне на покупку суфле: четыре скомканные трешки. Решение пришло мгновенно – пойду куплю Алексею папиросы. Тихонько вышел за дверь и бегом на Зубовскую площадь к табачному киоску. Купил на все деньги шесть штук папирос Беломор и быстро вернулся назад. Самому Алексею отдать папиросы не решился, передал их Мишке. Он удивился, спросил, откуда я их взял. Говорю: «Не твое дело. Это Алексею». Взял бидон и убежал.

Чем ближе с пустым бидоном и без денег подходил к дому, тем становилось страшней. Знал, что если расскажу правду, мать не поймет и не простит. Действительно, я же не голодающего спас. Значит – надо врать. Вариантов вранья немного: деньги или украли, или отняли, или я их потерял. Все плохо. Скажу – «Потерял», спросит: «Где?», скажу: «Не знаю». Все, решено, так и буду говорить.

Сценарий мой рассыпался тут же. Все рассказал, как планировал, но к вопросу, где я шлялся, готов не был и ответил, не думая о последствиях, что у Мишки. Мать хорошо знала эту квартиру, тут же пошла туда, буквально через пять минут вернулась с двенадцатью рублями и отхлопала меня по заднице, приговаривая, чтобы впредь не врал. Что она там говорила, как все это выглядело, я так и не узнал никогда.

Что касается меня, то я чувствовал себя предателем. Хороший же подарок сделал фронтовику. Я плакал один в сарае. Прости меня, Алексей. Хотелось умереть. Даже представлял, как я лежу в гробу, рядом стоит моя мать, плачет и говорит: «Что же я наделала? Прости меня, сынок». Подходит к гробу Алексей с Мишкой. И им жалко меня. Алексей вздыхает: «Эх, Колька, Колька!»

Дня три старался не попадаться никому на глаза во дворе. А с Мишкой отношения вообще разладились. Как-то не тянуло нас теперь друг к другу. Алексей уехал через неделю. Я его так больше и не видел.

Спустя годы узнал, что он погиб под Кенигсбергом.

Красная площадь

Красная площадь – главная площадь страны. У каждого жителя России с этой площадью связаны свои впечатления, воспоминания. У большинства – величаво-торжественные, навеянные беспримерным в истории народов военным парадом 7 ноября 1941 года, с которого солдаты отправлялись на фронт, расположенный чуть ли не в 30 километрах от столицы, парадом Победы в мае 1945 года, многочисленными за годы советской власти демонстрациями трудящихся и военными парадами 1 мая и 7 ноября.

У молодого поколения Красная площадь – это веселая площадь, где проводились не раз концерты знаменитых артистов, шумно отмечались праздники новой капиталистической эпохи. Площадь стала местом развлечений. Зимой в этом году здесь устроили огромный каток, на котором 10 декабря сразились ветераны хоккея бывших сборных СССР со сборной мира.

Красная площадь – удивительная, парадоксальная площадь. Это ведь по сути дела кладбище, где похоронены знаменитые люди страны. Где вы на земном шаре найдете еще одно такое место, где бы совмещали погост (место скорби) с местом развлечений? Справедливости ради следует заметить, что развлечения на этом кладбище началась не в последние годы. С

первых лет советской власти по Красной площади в дни революционных праздников проходили колонны веселых и довольных жизнью демонстрантов, для которых дикторы через усилители что есть мочи орали лозунги и призывы, встречаемые одобрительным ревом, от которого сотрясалась земля вместе с находящимися в ней останками великих людей.

Красная площадь – это и напоминание о нашем позоре. В 1987 году 28 мая (это был день пограничника) на ней приземлился на маленьком самолетике молодой немецкий хулиган Матиас Руст. Прилетел прямо из Германии, а пока летел через всю нашу территорию доблестные армейские начальники напряженно думали: «Кто же это летит и что с ним делать?»

Красная площадь – удивительная площадь. Все, кто видел ее издали или на экране телевизора, наивно думают, что это ровная поверхность, что-то вроде военного плаца. Да по-другому и не должна выглядеть главная площадь страны. Это впечатление укрепляется при созерцании проходящих по площади войск, печатающих шаг по брусчатке. На самом же деле площадь – это вымощенный недешевым камнем волнистый рельеф, пологие колдобины. И сами каменные бруски не очень здорово подогнаны: один край повыше, другой пониже соседнего, да и швы между камнями довольно приличные. Если идешь в строю, а не гуляешь, то нужна повышенная бдительность, а то неровен час, споткнешься и упадешь.

Я падал. Дело было очень давно – чуть больше полувека назад. Был я тогда студентом второго курса МИИТа – Московского института инженеров транспорта им. И.В. Сталина. Почти всех второкурсников, за исключением уж совсем хлипких и убогих, привлекли к участию в спортивном параде на Красной площади. Подготовка к параду засчитывалась как обязательные занятия физкультурой. Тренировались мы на набережной Москвы-реки в Парке культуры и отдыха имени Горького.

Тренировались на ровном асфальте, размеченном белыми точками и линиями. Нам была поставлена задача изображать хоккеистов. Для этого нас одели в трикотажные спортивные костюмы коричневого цвета, на головах – шапочки из этого же материала и такого же цвета, на ногах – популярные в то время кеды китайского производства, в руках – клюшки для хоккея с шайбой.

Мы должны были идти с клюшками на плечах, держа их не абы как, а под одинаковым наклоном и крюками кверху, затем по команде все разом эти клюшки опускали на землю и на счет: раз, два, три, четыре нужно было изобразить движения хоккеиста, ведущего шайбу. После этого следовало развернуться на 180 градусов и «вести шайбу» уже двигаясь задом и тоже под счет раз, два, три, четыре. Далее – опять поворот на 180 градусов, клюшки – в исходное положение и ровными шеренгами продолжать движение.

Всего собирали нас на тренировки раз пятнадцать, и на каждом сборе повторов было не менее десяти. В общем, отрепетировали мы это упражнение до автоматизма. Руководство наше было очень довольное: хорошо и красиво все получалось. На самой Красной площади не тренировались ни разу. Видимо, начальство было уверено, что и без этого все прекрасно получится.

Очередность праздничных мероприятий в то время была такая: военный парад, спортивный парад и затем – демонстрация трудящихся. До сих пор я так и не выяснил точно, почему спортивный парад открывало всегда добровольное спортивное общество «Локомотив». Было это скорее всего потому, что оно было создано раньше всех. Как бы то ни было, идем мы в первой колонне, во главе которой ветераны спорта, увешанные спортивными и государственными наградами. Сразу после них – мы.

Надо сказать, что волнение было немалое. Мы все подсобрались, посуровели. Командиры наши, сколько могли, тоже добавили нам напряжения. И вот настало наше время.

Построились, подровнялись, взяли клюшки на плечи и, четко печатая шаг, колонной вышли на Красную площадь. Диктор громогласно, растягивая слова, сообщает: «Вот показалась колонна «Локомотива»! Впереди идут юные хоккеисты!» Поравнявшись с трибунами Мавзолея, начали упражнения. При движении лицом вперед получилось все очень неплохо.

А диктор продолжает притворно-восхищенно комментировать, гремя по репродуктору на всю площадь: «Шайбы как будто привязаны к их клюшкам!» В этот момент мы «вели шайбы», двигаясь задом и я услышал эти слова уже лежа на спине на главной площади страны. От ужаса оцепенел. Споткнувшись и падая заметил, что слева и справа от меня тоже падают «юные хоккеисты» и на них и на меня наваливаются один за другим шедшие (вернее – пятящиеся задом) мои товарищи. Образовалось несколько куч тел. Все, кто остался на ногах, вынуждены были прекратить махание клюшками.

Оцепенение прошло быстро. Повскакали на ноги, но ничего исправить было уже невозможно. Бесформенной толпой продолжили движение к Васильевскому спуску. А там нас встречал распорядитель парада, мужчина лет сорока пяти. Более страшной физиономии мне ни до этого, ни после не довелось увидеть. Смертельно бледный, глаза выпучены, рот перекошен и издает какие-то непонятные звуки, похожие на рычание. Повернувшись в нашу сторону, он потрясал вскинутыми над головой кулаками.

Как ни странно, но никаких последствий этого провального выступления для нас не было. И я вряд ли об этом когда-либо вспомнил, если бы не заинтересовался проблемой национальной идеи России. Перечитал массу книг, журнальных и газетных статей. И вот держу в руках хлесткую, нелицеприятную не только для руководства, но и для граждан страны книгу известного писателя М.Веллера «Великий последний шанс».

Читаю: «Взгляните на историческую брусчатку Красной Площади – какими волнами идет первая, главная, парадная дистанция Империи! А что – выровнять как стол невозможно?

Страх и ужас парадных коробок – волны Красной Площади. Уж если это – сплошная пологая колдобина, по телеку не видно – и ладно, и сойдет! – то чего еще ждать?.. Да уважает ли себя народ с такой колдобиной?»

И сразу мне вспомнилось, как мы лежали на Красной Площади, споткнувшись об эти колдобины. А ведь с той далекой поры на этой площади ничего не изменилось, все колдобины остались. И если уж мы хотим найти ту магическую формулу, ту идею, которая объединит наш народ и позволит занять место среди народов мира, которое соответствует нашим амбициям, то прав Веллер, начать надо с ликвидации колдобин на главной площади, с приведения в порядок наших загаженных подъездов, грязных дворов, наведения элементарного порядка на нашей многострадальной земле.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ОТ АВТОРА	5
РАССКАЗЫ О МЕДВЕДЯХ	9
Охотница	9
Мышеловка для медведей	11
Судья	12
Бойцы	13
Кувалда	14
Как медведь форсировал Вилюй	15
Экспедиция за смородиной	16
Рассказ Белова	17
БЫЛА ТАКАЯ ПАРТИЯ	19
Беспартийные зигзаги партийных лидеров	19
Раскритиковался	33
Смекалка	34
Урок воспитания	36
ПРИКОЛЫ	39
Останкинская башня	39
Любовное послание	40
БАЙКИ	43
Олег Иванович	43
Мутная вода	43
Оформление отгула	45
Что такое невезение	46
Тщеславие	47
Фронтовик	51
Чрезвычайная ситуация	52
Нечистая сила	53
А у нас председатель ...бай	55
Начало карьеры	56

Билет во спасение	58
Горе	59
Тост	60
РАССКАЗЫ РАЗНЫХ ЛЕТ	62
Л. Гайдай – «плагиатор»	62
Сила хамства	64
Женя Евтушенко	65
Возможности человека безграничны	69
Стрижка наголо	72
Акробат	76
Судьба человека	86
Флирт	91
Русские в Австрии	91
Анна Васильевна	101
Ощущение победы	108
Красная площадь	119

Николай Леонидович Пирогов

**РАССКАЗЫ О МЕДВЕДЯХ
(И НЕ ТОЛЬКО О НИХ)**

Компьютерная верстка – М. Масюк

Подписано в печать 13.03.2007 г.

Формат 84X108 $\frac{1}{32}$. Печать цифровая. Усл. печ. л. 6,63

Тираж 1000 экз. Заказ № 26

ЗАО «Издательство «Экономика»

123995, г. Москва, Бережковская наб., д. 6

ОАО «Институт микроэкономики»

г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34

ISBN 978-5-282-02712-9

